

ПОСЛѢДНІЙ

12/ VII-512.

ИЗЪ

СТѢКИРИНСКИХЪ.

ПОВѢСТЬ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

394030. Крашевскаго.

12188

№ 49048
1914/24
411

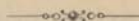
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Бѣдныхъ. Лиговская ул., № 26.

1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 августа 1900 года.

Часть первая.

Надо знать, что родъ Сѣкиринскихъ, подобно другимъ польскимъ дворянскимъ фамиліямъ, восходитъ, если не родословною, то гербомъ, до XI вѣка. Но, къ удивленію моему, геральдикамъ нашимъ этотъ гербъ не былъ извѣстенъ, потому ли, что его легко было смѣшать съ другими гербами, или же потому, что одни только Сѣкиринскіе его употребляли. Онъ состоялъ изъ сѣкиры въ красномъ полѣ, простой сѣкиры, какими теперь рубятъ дрова—орудія, впрочемъ, очень древняго, какъ видно ужъ изъ того, что въ тысячелѣтнихъ могилахъ находятъ, если не желѣзныя, то каменные сѣкиры. Надъ шишакомъ возвышалась такая же сѣкира...

Не могу ничѣмъ другимъ объяснить горькой обиды, нанесенной геральдиками этой достопочтенной и древней фамиліи, какъ только ея размноженіемъ и слѣдствіемъ размноженія—бѣдностью; а, можетъ быть, тутъ замѣшалась и какая-нибудь особенная непріязнь къ ней. Какъ бы то ни было, только я знаю навѣрное отъ покойнаго Петра Корниковского, стольника пурскаго, что Сѣкиринскіе не безъ основанія почитали себя едва-ли не старшимъ дворянскимъ родомъ въ Польшѣ и цѣнили выше, чѣмъ кто-либо, свой позабытый гербъ. Они утверждали, что предокъ ихъ, Собѣславъ Сѣкира, получилъ въ

свой гербъ съкиру въ кровавомъ полѣ отъ короля Болеслава Великаго за защиту его особы отъ чеховъ. Онъ основалъ на пожалованныхъ ему земляхъ мѣстечко Съкиринъ и, сверхъ того, пятьдесятъ деревень, населенныхъ разноплеменными плѣнниками. Тотъ же покойный Петръ Корниковскій, стольникъ пурскій, пользуясь особеннымъ расположеніемъ Лонгина Съкиринскаго, слышалъ отъ него самого, что родъ ихъ пользовался нѣкогда даже княжескимъ титуломъ, но впослѣдствіи, при раздробленіи имѣнія, добровольно его оставилъ.

Несмотря, однако жъ, на свою бѣдность, Съкиринскіе заботливо сохраняли преданіе о своемъ происхожденіи и питали соотвѣтственную тому гордость. Стольникъ пурскій выдавалъ въ ихъ домѣ сильно закоптѣлое *arbor genealogiae*, которое представляло вырастающій изъ лядвен лежащаго въ латахъ, съ съкирою въ рукѣ, рыцаря дубъ (символь долговѣчности), усыпанный безчисленными именами Съкиринскихъ. Между этими именами нѣкоторые прославились такими подвигами, о которыхъ и сама исторія не знаетъ, и ни кто не пересчиталъ бы всѣхъ булавъ, печатей, митръ и другихъ принадлежностей знатности, украшавшихъ родословное дерево Съкиринскихъ.

Но, по закону общей превратности дѣлъ человѣческихъ, родъ этотъ, доставя обществу цѣлую толпу доблестныхъ мужей и плодовитыхъ женъ, уже въ XIV вѣкѣ началъ видимо клониться къ упадку, такъ-что ни великолѣпіе генеалогическаго дерева, ни усилія его членовъ не могли возвысить его *ad pristinam magnitudinem* (выраженіе пана стольника Корниковскаго). Почтенные Съкиринскіе знали невѣрность счастья и предавали себя волѣ Божіей, но тѣмъ не менѣе подвизались для сохраненія прежней славы. Увы, однако, напрасно! Какъ спускающаяся съ горы телѣга сперва ползетъ потихоньку, а потомъ, чѣмъ далѣе, катится быстрѣе и быстрѣе, наконецъ летитъ отчаянно и разбивается о камни, такъ и величіе, слава, значеніе доблестнаго дома неудержимо рухнули, «по общей судьбѣ всего временнаго» (слова того-же пана стольника).

Судьба какъ-будто смѣялась надъ падающими Съкиринскими. Сперва они размножились чрезвычайно, особенно по женской линіи, которая разнесла родовое имущество по разнымъ, только что возникавшимъ изъ мрака неизвестности, домамъ; а потомъ,

черезъ нѣсколько поколѣній, всѣ Сѣкиринскіе очутились въ лицѣ одного только представителя, пана скарбника черскаго, Лонгина Сѣкиринскаго. Горько это было пану Лонгину, но онъ утѣшалъ себя надеждою на славное потомство и воспоминаніемъ миновавшаго величія. Часто покойникъ говаривалъ столънику пурскому: «пали царства Ассирійскія, Вавилонскія, пали Тиръ и Сидонъ, Пальмира и Троя, почему же бы нашему роду не подвергнуться участи всего великаго?» и произносилъ это (по словамъ покойнаго столъника) съ такимъ убѣжденіемъ, съ такою важною, съ такимъ величіемъ, что часто и самъ панъ Корниковскій—особливо когда бывалъ ненатоцакъ—заливался слезами. Нужно же еще было судьбѣ устроить такъ, чтобы Сѣкиринскіе заранѣе вкусили горечь могильнаго забвенія: ихъ давнее величіе забыли почти всѣ; мало того, оно сдѣлалось предметомъ шутокъ, и дворяне самаго недавняго происхожденія считали себя гораздо важнѣе Сѣкиринскихъ, къ крайнему ихъ оскорбленію.

Одинъ изъ такихъ господъ, сосѣдъ послѣдняго представителя исчезнувшей знатности, нѣкто Вихула, въ противность всякой учтивости, нахально занималъ впереди ихъ мѣсто въ церкви, на сеймикахъ и на дворянскихъ сѣздахъ. Панъ скарбникъ терпѣлъ все это великодушно, какъ-будто не замѣчая, чтобы не заводить ссоры съ ничтожнымъ шляхтичемъ; но до какой степени это было ему больно, не разъ высказывалъ наединѣ пану Корниковскому.

— Смотри, панъ,—говорилъ онъ,—не извращеніе ли это свѣта, чтобы Вихулѣ, который прапрадѣда своего не знаетъ, первенствовать передо мною, потомкомъ гетмановъ и сенаторовъ! Но таковъ, видно, порядокъ вещей на землѣ, и язычникъ Горацій не разъ намекаетъ на это въ своихъ стихахъ...

На такія жалобы панъ Корниковскій отвѣчалъ успокоительными размышленіями о бренности всего земного, и часто по цѣлымъ вечерамъ слушалъ преданія о листьяхъ описаннаго уже мною дерева, которое висѣло въ столовой. Разсказчикъ возводилъ родъ свой выше временъ Болеслава-Великаго, однакожь это не улаждало горькой истины, что дѣдъ его владѣлъ одною деревушкою Сѣкиринкомъ, названною, какъ говорилъ онъ, по имени стариннаго ихъ города Сѣкирина, а самъ онъ — уже

только частью этой деревушки. Но, бѣднѣя все болѣе и болѣе съ каждымъ поколѣніемъ, Сѣкиринскіе женились не иначе, какъ на дѣвицахъ изъ старинныхъ фамилій и предпочитали чистоту дворянской крови приданому. Вслѣдствіе этой мудрой родовой политики, и панъ скарбникъ черскій, Лонгинъ Сѣкиринскій, считался бракомъ съ убогою дѣвицею Кунигундою Пилецкою, которой предки были, какъ онъ слыхалъ, въ родствѣ съ Ягеллонами.

Жилъ онъ тогда въ старомъ наслѣдственномъ домѣ, который, по словамъ пана Корниковскаго, лѣтъ уже двѣсти подпирали, обшивали, надстраивали, перекрывали и обмазывали глиною. Я самъ видѣлъ этотъ домъ и могу судить о его древности. Это была хоромина, вошедшая въ землю, такъ что въ сѣни входили по двумъ или тремъ ступенькамъ, какъ въ подвалъ. Окна едва ли и на четверть аршина были выше почвы, а огромная, украшенная шпицами, почернѣвшая кровля издали была замѣтнѣе самихъ стѣхъ. Окружавшія его со всѣхъ сторонъ пристройки и подпорки придавали ему видъ согбеннаго тяжестью лѣтъ старика, разваливагося въ бреслахъ посреди своихъ внуковъ. Кровля была нѣкогда двухъэтажная и деревянная, но потомъ одѣлась смиренною соломой, по которой почти сплошь проступилъ мохъ, и такъ сгорбилась, перекосилась, осѣла, а мѣстами совсѣмъ разрушилась, что казалось чудомъ, какимъ-образомъ она держится еще на этомъ строеніи. Окна, съ своими рѣзными, деревянными украшеніями, давно потеряли отвѣсныя линіи; одни изъ нихъ какъ будто кланялись проходящимъ; а другія ложились на спину. Ни одна дверь не запиралась плотно и безъ труда; нѣкоторыя должно было каждое лѣто подрѣзывать, а къ другимъ придѣлывать куски свѣжаго дерева. Полы такъ странно гнулись подъ ногами, какъ будто мастеръ сдѣлалъ ихъ на пружинахъ, къ ужасу гостя. Старыя, огромныя изразцовыя печи, починенныя и заплатанныя сто разъ кирпичемъ и глиною, потеряли также первобытныя свои формы и нажили горбы. Но зато какъ пышно разрослись вокругъ дома раскидистыя липы, ели, яблони и груши! какая была тѣнь въ саду!

Внутри дома, мрачнаго отъ окружавшихъ его деревьевъ и кустарниковъ, отъ низости стѣнъ, поражалъ входящаго запахъ разрушенія.

За каждымъ, проходившимъ по комнатамъ, тянулось это передразнивая стукъ шаговъ его и съ сатанинскою рѣзвостью разнося этотъ печальный стукъ по разнымъ угламъ дома. Вѣтеръ безпрестанно свистѣлъ въ трубахъ и стоналъ въ печахъ; при каждомъ его порывѣ звенѣли въ окнахъ стекла, а въ бурю весь домъ трепеталъ, какъ бы боясь обрушиться. Въ обширныхъ стѣнахъ, оставшихся еще съ того времени, когда наны прѣзжали сюда въ гости съ толпами помѣщавшихся здѣсь слугъ, стояли какіе-то пустые, обломанные сундуки, битая домашняя посуда, висѣли лохмотья размалеваннаго полотна, и сѣрыя, хромья ширмы напрасно расширяли свои полы, чтобъ закрыть все это отъ входящаго. Въ первой комнатѣ, налѣво, нѣкогда самой парадной, мыши оттянули внизъ своими гнѣздами на потолокъ полотно и превратили его въ безобразные висячіе мѣшки. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ оно совсѣмъ прорвалось, и черныя дыры казались глазами, заглядывающими съ любопытствомъ въ пустую комнату. Одно разбитое окно вѣчно было закрыто ставнею, и сквозь ея сердечко пробивался болѣзненный лучъ свѣта; другое, уцѣлѣвшее болѣе, состояло изъ небольшихъ стеколъ, матовыхъ, побѣлѣвшихъ и какъ-будто окрашенныхъ мутною краскою. Софа, шаткій столъ и нѣсколько стульевъ разной величины и формы стояли по комнатѣ безпорядочно, безжизненно, безсвязно. Въ старомъ, задѣланномъ кирпичомъ каминѣ стояли бочонокъ съ уксусомъ и бутылка, заткнутая бумагою. Въ углу, у двери, торчалъ старый шкапъ съ отворенными дверцами, обнаружившими запачканную внутренность, гдѣ на одной полкѣ валялась разбитая тарелка. Паукъ затаилъ паутиною все углы комнаты, а мыши хозяйничали вездѣ, перебѣгая среди бѣла дня отъ дыры къ дырѣ. На стѣнѣ висѣло на длинномъ шнурѣ огромное родословное дерево въ черной рамѣ, но и оно висѣло криво, какъ бы готовое каждую минуту оборваться и упасть. Изъ всей его живописи видно было только нѣсколько болѣе яркихъ частей лежащаго рыцаря; остальное густо было затушено трудами мухъ и пылью. Два или три предковскіе портрета, еще неразорванные и потому невынесенные въ сѣни за ширмы, съ подбитыми чупринами, съ важными лицами, съ упертыми въ бока или въ оружіе руками, удивлялись окружающимъ ихъ злыднямъ. По ихъ толстымъ

только въ виднѣ было, что они жили въ лучшія времена и вели жизнь привольную. Особенно одинъ изъ нихъ, которому пятно возлѣ губъ придавало насмѣшливый, бросающійся въ глаза видъ, казалось, готовъ былъ выскочить изъ рамы и закричать: «какъ вы смѣете быть бѣдными, мои потомки?» Другой, съ нахмуренною, величавою фізіономіею, казалось, размышлялъ, какъ пособить горю.

Что же сказать о другихъ комнатахъ, если такова была самая парадная? Изъ всего обширнаго дома панъ скарбникъ черскій съ женою, сыномъ и немногочисленною челядью занималъ только три или четыре; остальные служили для склада вещей, которыхъ не стоило ужъ труда складывать, для курятниковъ, для храненія дровъ и для обиталища привидѣній, которыя по ночамъ дѣлали смотръ предкамъ, къ безпокойству хозяйки и слугъ. Вездѣ господствовали та же бѣдность, то же разрушеніе и запустѣніе. Самая уютная комната въ домѣ обвѣзана была своимъ достоинствомъ расположенію въ ту сторону, откуда меньше всего дулъ вѣтеръ, заслонявшимъ ее деревьямъ и тому еще, что она глубже другихъ вошла въ землю. Не дай Богъ проливного дождя: тогда не было въ домѣ угла, гдѣ бы не было нужно подставлять мисокъ, кувшиновъ и ушатовъ; а изъ сѣней зачастую отливали набѣжавшую со двора воду.

Таково было жилище пана Лонгина Сѣкиринскаго, надъ убожествомъ котораго и гордостью осмѣлился подсмѣиваться панъ Вихула, владѣтель части деревни Сѣкиринка, межевой со сѣдъ и потому врагъ наслѣдника старинныхъ обладателей этого имѣнія. Но никакія въ свѣтѣ шутки и насмѣшки не могли смирить человѣка, столь увѣреннаго въ своей знатности и столь глубоко проникнутаго наслѣдственною гордостью, какъ панъ скарбникъ черскій. Въ крови Сѣкиринскихъ это сознаніе собственнаго достоинства было, можно сказать, природное, усиливавшееся еще болѣе отъ выбора невѣстъ изъ древнихъ дворянскихъ фамилій и возраставшее по мѣрѣ того, какъ родовое имѣніе ихъ болѣе и болѣе уменьшалось.

Скарбникъ, самый бѣдный въ своемъ роду, не уступилъ бы первенства ни одному изъ Любомирскихъ и Потоцкихъ, не только новѣйшимъ дворянамъ въ Литвѣ и на Руси. Онъ гово-

рилъ съ улыбкою, что у Чарторыйскихъ двѣ генеалогіи, а это все равно, что ни одной, да наконецъ, что это за дворянство или княжество, которое не можетъ сказать о себѣ ничего выше XIII вѣка? Надъ Понятовскими онъ смѣялся вмѣстѣ съ Радзивилломъ, но не щадилъ и самого Радзивилла, особенно съ того времени, какъ прочиталъ въ лѣтописи Стрыйковского о происхожденіи его отъ Лездейки. Этого было для пана Лонгина достаточно, чтобъ помѣстить его въ разрядъ обыкновенныхъ дворянъ.

Очень немного было фамилій, за которыми бы онъ призналъ достоинство высокаго происхожденія; всѣ же, сдѣлавшіяся извѣстными съ XIV вѣка, называлъ новыми. Впрочемъ, для мелкой, убогой шляхты онъ охотно отыскивалъ происхождение предковъ и гербы; но зато къ знатымъ господамъ былъ безжалостенъ и всякій разъ пожималъ плечами, когда заходила о нихъ рѣчь. «Всѣ эти люди»,—говорилъ онъ,—«взялись Богъ знаетъ откуда; лучшіе роды обѣднѣли, вымерли...»,—и качалъ головою, и надувалъ нижнюю губу, ходя взадъ и впередъ съ сложенными назадъ руками по скрипучему полу самой большой своей комнаты.

Скарбиникъ былъ, очевидно, глубокомысленный человекъ, потому что всю жизнь проводилъ въ размышленіяхъ: онъ ничего не дѣлалъ, а только думалъ и думалъ. Самая его наружность показывала въ немъ мыслителя. Онъ былъ высокаго роста, широкоплечъ, воеводской толстоты, не тучный, но умѣренно-округленный. Продолговатая, украшенная высокимъ челомъ голова его покоилась на длинной шеѣ и всегда была заброшена нѣсколько назадъ и къ правому плечу. Глаза его прикрывались выпуклыми вѣками съ длинными рѣсницами; нижняя губа всегда выдавалась впередъ, особенно, когда онъ бывалъ чѣмъ-нибудь взволнованъ и чувствовалъ сильнѣе обыкновеннаго. По фамильнымъ портретамъ можно было видѣть, что и предки его имѣли тѣ-же самыя черты, перешедшія къ нему по наслѣдству. Длинные усы, рѣзко видѣвшіеся среди выбритой физиономіи, висѣли надъ круглымъ его подбородкомъ, какъ вѣтви березы надъ холмомъ. Рѣчь его была медленна, умѣренна, полна сентенцій, порой немного ироническая, но всегда проникнутая чувствомъ достоинства; взгляды—съ высоты внизъ,

долгіе; походка неторопливая и величественная; руки всегда были заложены назадъ. Что касается до характера, то ни въ чемъ нельзя было упрекнуть его: онъ былъ учтивъ до чрезвычайности, добръ и благороденъ даже уже черезчуръ, и терпѣливъ на обиды. Два только и было у него недостатка: необыкновенная гордость и излишество мыслей при недостаткѣ трудолюбія. Больше всего любилъ онъ, ходя по комнатѣ, цѣдить сквозь зубы по одному слову, или, оставшись наединѣ, самъ съ собою думать и думать. Иногда приходили ему въ голову самыя счастливыя предпріятія, но исполненіе ихъ онъ откладывалъ со дня на день, медлилъ, медлилъ и ничего не начиналъ, потому что начинать было наконецъ поздно. Тогда онъ вздыхалъ и думалъ снова спокойно, молча, величаво, какъ-будто ничего и не потерялъ, и, что еще болѣе, какъ-будто самъ нимало не былъ причиною своей потери.

Въ немъ видѣнъ былъ хоть и обѣднѣвшій, но все же богатыхъ предковъ потомокъ. Онъ возбуждалъ къ себѣ почтеніе, неразлучное, правда, съ сожалѣніемъ; а злые люди, зная его слабость, часто ею пользовались. Гордый отъ природы, онъ никогда не давалъ милостыни по своему состоянію, и вѣнчалъ себѣ въ обязанность сыпать ее великодушно, хотя нельзя сказать, чтобъ сердце его не принимало въ этомъ участія, потому что онъ былъ добръ и сострадателенъ. Бѣдность свою онъ закрывалъ и замазывалъ сколько былъ въ силахъ, потому что, нося столь славное имя, стыдился ее, какъ нельзя больше; но какъ ему все-таки нечѣмъ было скрасить свою голю, то онъ употреблялъ въ дѣло свою гордость, которою покрывался, какъ золотою мантиею. Надо было видѣть, какъ онъ въ своемъ вытертомъ кунтушѣ ѣхалъ въ церковь на парѣ хромыхъ и кривыхъ одровъ, пойманныхъ на лугу и впряженныхъ веревками и лыками въ разбитую таратайку; можно бы подумать, что ѣдетъ магнатъ въ позолоченной коляскѣ—такъ высоко и величаво возносилъ онъ чело свое. А когда онъ входилъ въ церковь и подвигался впередъ къ первой скамьѣ, едва удостоивая взглядомъ прочихъ прихожанъ, то даже злобный Вихула давалъ ему дорогу.

Сама *ея* *мосу* Кунигунда, урожденная Плецкая, выросшая въ сосѣдствѣ и знавшая по преданію о знатности рода Съки-

ринскихъ, почитала необыкновеннымъ счастьемъ, что, выйдя за пана Лонгина, носила это имя, и взирала на мужа, какъ на высшее нѣкое существо. Она не понимала, чтобъ можно было въ чемъ-нибудь ему противорѣчить; она никогда не осмѣлилась бы что-нибудь ему совѣтовать, считая это оскорбленіемъ столь великому человѣку, и всю жизнь посвящала на то, чтобъ ловить и исполнять всякое его мановеніе. Она брала на себя все тягостнѣйшее въ жизни и предоставляла ему самое пріятное. Заботы о здоровьѣ, о доходахъ, о выгодахъ, о спокойствіи безцѣннаго Лонгина наполняли все ея время. Тихая, набожная, робкая, преданная, она дрожала при малѣйшемъ знакъ его нетерпѣнія и почитала величайшимъ счастьемъ, если ему было угодно подарить ее улыбкою или подольше поговорить съ нею. Она въ тишинѣ боролась съ бѣдностью, отказывая себѣ во всемъ, работая, промышляя, какъ жидъ; но къ чему все это служило, когда плоды тяжкихъ трудовъ ея уничтожались однимъ пріемомъ гостей! Она не роптала, видя растраченнымъ то, что она собрала долгими хлопотами, но съ ангельскимъ терпѣніемъ начинала хлопотать снова.

Между тѣмъ, жизнь въ Сѣкиринцахъ становилась съ каждымъ днемъ труднѣе. Вихула, котораго скарбникъ не хотѣлъ поставить на одной доскѣ съ собою, пылая мщеніемъ, съ каждымъ часомъ надѣдалъ сосѣду болѣе, съ каждымъ днемъ избѣгивалъ новыя козни, и тѣмъ успѣшнѣе приводилъ ихъ въ исполненіе, что земля его была отдѣлена отъ земли Сѣкиринскаго только межою.

Сѣкиринскій защищался отъ него съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, какъ отъ назойливой мухи или пискливаго комара, которые не стоятъ и досады. Это величіе души всего болѣе выводило изъ терпѣнія шляхтича; онъ сжималъ кулаки, топалъ ногами и клялся, что сбавитъ гордости сосѣду, хоть бы пришлось самому пойти по-міру или сидѣть въ острогѣ. Это значило, что онъ не боится ни издержекъ, ни личной ответственности.

Скарбникъ на эти угрозы, передаваемые ему приближенными особами, отвѣчалъ гордымъ молчаніемъ. Сколько разъ приходскій священникъ, почтенный старецъ, желавшій жить съ обоими въ мирѣ, усиливался примирить между собою сосѣдей.

Напрасно: Вахула безъ обиняковъ отвѣчалъ: «Знать не хочу я этого голыша!» А Сѣкиринскій самымъ холоднымъ тономъ говорилъ: «Я не сержусь на него, но жить съ нимъ не хочу.»

И на другой день пойманные въ пшеницѣ гуси Вихулы висѣли на высокихъ жердяхъ, а откормленный боровъ пани Кунигунды, пойманный на улицѣ, лежалъ убитый на дорогѣ, возлѣ проса. Наконецъ, завязалась грязная и скучная тяжба...

Вихула, котораго отецъ нажилъ, служа у какого-то богатаго пана, зажиточный, дѣятельный, скупой, болтливый, недалежнаго ума, но ловкій въ мелкихъ дѣлахъ житейскихъ, стоилъ многихъ слезъ пани Сѣкиринской. Она рада была бы отъ всей души примириться, но смѣла ли она предложить это мужу? «Онъ знаетъ лучше, что дѣлать», — говорила она: — «и неужели долженъ поклониться и уступить ничтожному шляхтичу?» И такъ, играя въ ту же игру, она, съ своей стороны, не уступала мѣста женѣ Вихулы ни въ процессіи, ни въ церкви, ни при встрѣчѣ у сосѣдей и, будучи самою кроткою женщиною, должна была, въ угодность мужу, подымать носъ кверху.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Богъ далъ пану Сѣкиринскому сына, къ великой радости отца, который боялся, что съ нимъ прервется славный родъ его, и молился всѣмъ чудотворнымъ образамъ о ниспосланіи ему наслѣдника, несмотря на то, что этотъ наслѣдникъ могъ не получить по его смерти ничего, кромѣ бѣдности и горя.

Сколько радости было въ Сѣкиринкѣ! Сама пани, безпрестанно молившаяся объ исполненіи пламеннаго желанія мужа, такъ была поражена своимъ счастьемъ, что занемогла. А скарбникъ бѣгалъ, какъ сумасшедшій, по пустымъ комнатамъ и повторялъ самому себѣ, портретамъ и шатающимся столамъ: «Сынъ! слава Богу! сынъ!» И тутъ же опредѣлилъ, не соображаясь съ карманомъ и кладовою, о которыхъ всего рѣже онъ думалъ, праздновать пышными крестинами явленіе на свѣтъ потомка древняго рода. Онъ бы желалъ созвать къ себѣ все дворянство на нѣсколько миль кругомъ, но этому явно препятствовалъ пустой кошелекъ, ничтожные домашніе запасы и жалкое состояніе погреба; а кредита онъ давно ужъ не имѣлъ ни у кого, при всей своей учтивости и краснорѣчіи. Всѣ знали,

что, въ случаѣ его смерти, имѣнія его не хватитъ на уплату долговъ. Это, однакожь, не удержало его отъ великихъ приготовленій и приглашенія всѣхъ знакомыхъ на крестины.

Кунуся (такъ звалъ онъ жену), лежа въ постели, плакала при мысли о разореніи, предстоящемъ ея хозяйству отъ этихъ великолѣпныхъ крестинъ, но, какъ всегда, не смѣла противиться волѣ своего мужа.

Приходскій священникъ, узнавъ о радостномъ событіи въ семействѣ Съкиринскаго, поспѣшилъ къ нему тотчасъ, надѣясь воспользоваться этимъ случаемъ для примиренія его съ Вихулою. Вихула въ это время стоялъ въ воротахъ своего дома, опершись спиной о столбъ, засунувъ руки за поясъ, заложивъ ногу на ногу и безпечно посвистывая. Въ такомъ занятіи онъ привыкъ проводить цѣлые дни. Нельзя было похвалить его наружности: небольшого роста, коренастый, довольно тучный, болѣе широкъ, нежели длиненъ, съ черными взъерошенными волосами, которыми заросъ почти весь лобъ его, съ волчьими, глубокосядющими во лбу глазами, онъ почти всегда злобно усмѣхался. Брань и насиліе были у него нипочемъ; онъ не падалъ даже своихъ пріятелей, а дома, начиная отъ жены, съ которою бранился безпрестанно, до послѣдняго работника, не было человѣка, которому бы отъ него каждый день не досталось. Жизнь Вихулы проходила въ перебранкахъ и побояхъ; это была его стихія.

Священникъ, подойдя къ воротамъ, поклонился Вихулѣ и съ ласковою улыбкою, которая у этого добраго человѣка никогда почти не сходила съ устъ, пожелалъ ему добраго дня.

— А, добрый день!—отвѣчалъ тотъ.—А куда это вы собрались?

— Къ Съкиринскимъ.

— Какъ и всегда! А ко мнѣ и не заглянете! Неужто ихъ заплеснѣвъшій хлѣбъ вкуснѣе моего?

— Во-первыхъ,—сказалъ священникъ, остановясь,—ты знаешь, панъ, что я, благодаря Бога, никуда ради хлѣба не хожу; есть у меня свой кусокъ; а во-вторыхъ, скажу прямо, что хожу туда, гдѣ меня ласково принимаютъ.

— Знаю, знаю, *мосци дзю!*—возразилъ Вихула,—знаю давно, что я не пользуюсь твоею благосклонностью, а тотъ

голышъ тебѣ какъ нельзя больше по сердцу. Что дѣлать? не повѣситься же съ отчаянія!

— Если хочешь знать правду, — сказалъ съ живостью священникъ, — то услышишь ее сейчасъ. Когда я прихожу туда, то не встрѣчаютъ меня у дверей жесткими словами и угрозами, которыхъ у тебя всегда полонъ ротъ; тамъ люди живутъ съ Богомъ.

— А я такъ безъ Бога, мосци-дзѣю?

— Я тебя не упрекаю, — заключилъ священникъ, понюхавъ табачку; — но у тебя всегда гнѣвъ на сердцѣ, а это худо.

— Зачѣмъ же меня раздражаютъ? зачѣмъ выводятъ меня изъ терпѣнія?

— А самъ ты, панъ, хорошъ?

— Кто же зачинщикъ? Не я!

— Ну, что долго толковать! Зачѣмъ напрасно разбирать кто правъ, кто виноватъ? Богъ далъ Съкиринскимъ сына — примириться бы вамъ. Сдѣлай только одинъ шагъ къ миру!

— Я?! — вскрикнулъ Вихула: — я?! Чтобъ я уступилъ этому голышу?! Скорѣе, мосци-дзѣю, земля подо мной провалится! Нѣтъ, ужъ этому не бывать!

И сказавъ это, метнулся въ сторону, какъ раненый вепрь.

Что послѣ этого оставалось говорить? Священникъ покачалъ головой и пошелъ къ скарбнику. Онъ засталъ его расхаживающаго, какъ и всегда, большими шагами по первой комнатѣ, съ поднятою вверхъ головою, съ одной рукой за поясомъ, съ другой, заложенною назадъ и съ улыбающеюся физиономіею.

— А, а! — сказалъ онъ, размѣнявшись привѣтствіями, — знаете ли важную новость? Богъ далъ мнѣ сына. Я думаю о томъ, какое бы дать ему имя? Вы пришли какъ разъ вовремя.

— Поздравляю и желаю отъ всего сердца счастья всему вашему дому, какъ истинный вашъ богомолецъ...

Скарбникъ поклонился.

— Благословеніе Господне, — заключилъ священникъ, — добаваетъ ознаменоватъ добрымъ дѣломъ...

— Крестины будутъ торжественныя...

— Не о крестинахъ рѣчь, добродѣй скарбникъ, а если бѣ

ты, во имя Божіе, помирился съ Вихулою, такъ была бы на небесахъ великая радость, да и вамъ было бы лучше.

Лицо Съкиринскаго омрачилось; онъ молчалъ.

— Если бѣ этакъ, по-братски... — продолжалъ священникъ.

— Какъ это по-братски? — прервалъ его обиженный хозяинъ.

— А развѣ мы не всѣ братья во Христѣ?

— Не я съ нимъ ссорюсь, — сказалъ Съкиринскій, — а онъ со мной; а впрочемъ, батюшка, онъ для меня человѣкъ неважный, и жить съ нимъ я никогда не намѣренъ и не буду.

— Почему?

— Да потому, если сказать правду, что пускай онъ ищетъ равныхъ себѣ.

— О, гордость, гордость! Это не христіанское чувство! Предать бы все забвенію.

— Гордость не гордость, а долженъ человѣкъ понимать свое достоинство.

— Онъ такой же дворянинъ, какъ и вы, — сказалъ неосторожно священникъ.

При этихъ словахъ Съкиринскій отскочилъ назадъ, какъ будто его обварили кипяткомъ, закусилъ губы, посмотрѣлъ сверху внизъ и отвѣчалъ съ гордостью, выразительно, коротко и сухо:

— Извините, не такой дворянинъ, какъ я, потому что такихъ дворянъ, господинъ пробощъ, такихъ дворянъ, какъ Съкиринскіе, въ цѣломъ краю только четыре фамиліи... Впрочемъ, оставимъ это.

Священникъ больше не настаивалъ, видя, что оскорбилъ своимъ совѣтомъ и этого, что, впрочемъ, случалось очень часто, и пошелъ смиренно поздравить *ея мосьу* съ новорожденнымъ.

Вслѣдъ за священникомъ прибыли и другіе сосѣди, любившіе и уважавшіе скарбника, а въ числѣ ихъ и мой панъ Петръ Корниковскій, стольникъ пурскій, который питалъ особенное расположеніе къ этому семейству и былъ почтенъ искреннею дружбою Съкиринскаго. Всѣ они были приглашены хозяиномъ на крестины, отложенныя на нѣсколько недѣль, по причинѣ большихъ приготовленій.

Дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ крестины совершились какъ только было возможно торжественнѣе. Наѣхало множество со-

сѣдей и родственниковъ, которыхъ Вихула, стоя у воротъ, считалъ съ злобою и завистью невыразимыми. Онъ хотѣлъ было даже заманить къ себѣ нѣкоторыхъ посѣтителей, совѣтуя имъ не ѣздить къ Сѣкиринскому, но напрасно. Единственнымъ для него утѣшеніемъ было то, что онъ вдоволь набранился и накричался. А такъ какъ крестины сына Вихулы, при всѣхъ его приглашеніяхъ, не были и вполонину такъ многолюдны, такъ какъ всѣ боялись этого буйнаго человѣка—безъ приключенія у него никогда не обходилось—то легко вообразить, съ какимъ чувствомъ смотрѣлъ онъ на возки, брички и таратайки, съѣзжавшіяся къ сосѣду. Хозяйка, несмотря на болѣзнь свою, которая все еще продолжалась, распорядилась такъ хорошо, что мужу не стыдно было передъ гостями; угощеніе было порядочное, можно сказать, даже отличное и, по ихъ состоянію, обошлось очень дорого. Вихула, по обычаю всѣхъ завистливыхъ сосѣдей, имѣлъ въ домѣ Сѣкиринскихъ шпионовъ, и такъ было ему любопытно знать все, что тамъ происходитъ, что на другой день онъ могъ, какъ нельзя лучше, описать: что тамъ ѣли, пили, говорили, дѣлали, что разбилося, чего не достало и какія надо было употреблять фокусы для соблюденія приличія.

Послѣ крестинъ Ѳаддея-Собѣслава (такое дано было имя новорожденному) скарбникъ дѣятельнѣе прежняго принялся ходить и размышлять, вѣроятно, о судьбѣ сына, котораго будущность должна была его беспокоить. Дѣйствительно, дѣла были въ самомъ плохомъ положеніи. Недостатокъ въ домѣ закрыть былъ только трудами и искусною заботливостью Кунигунды. Хозяйство шло плохо, потому что панъ скарбникъ не зналъ въ немъ толка и не любилъ его. Онъ въ продолженіе цѣлаго дня расхаживалъ по большой пустой комнатѣ въ задумчивости, такъ что на полу обозначилась даже дорога изъ угла въ уголъ. При этихъ удивительныхъ, неизмѣнныхъ прогулкахъ каждый день утромъ привѣтствовалъ его огромный грибъ, выраставшій въ ночь, съ нѣсколькими другими, поменьше, въ темномъ углу комнаты, какъ предсказатель паденія дома, какъ символъ приближающейся пицеты. Лишь только скарбникъ замѣчалъ его, тотчасъ бѣжалъ, давилъ его ногою изо всей силы и разбрасывалъ по полу остатки своего непріятеля, съ сильнымъ гнѣвомъ

и запальчивостью; но на утро упрямый грибъ выросталъ снова въ томъ же самомъ мѣстѣ, и такъ, сто разъ уничтожаемый, повторялъ свое нѣмое пророчество. Каждый день начинался у Сѣкиринскаго войною съ этимъ грибомъ, и, отходя ко сну, онъ присматривался, не подниметъ ли его непріятель головы. Нѣтъ и слѣда; но въ ночь такъ постарается, что на другой день какъ разъ пожелаетъ хозяину, какъ будто съ насмѣшкою. добраго утра. Грибъ этотъ отравлялъ отчасти скарбнику сердце, но не было противъ него никакихъ средствъ, какъ и противъ Вихулы, и кто знаетъ, не онъ ли былъ причиною этихъ молчаливыхъ, по цѣлымъ днямъ, прогулокъ? Скарбникъ съ утра до вечера расхаживалъ, какъ на часахъ, по шаткому полу большой комнаты, повременамъ заглядывалъ къ женѣ и сыну; а когда вечеромъ приходилъ староста и останавливался у порога, онъ спрашивалъ только, что тотъ намѣренъ былъ завтра дѣлать, и на все соглашался.

Панъ Сѣкиринскій прерывалъ свое обычное молчаніе и свои думы тогда только, когда ему представлялся случай говорить о павшемъ величій своего рода и о его подвигахъ. Тогда онъ дѣлался краснорѣчивымъ, неисчерпаемо-обильнымъ, веселымъ, словомъ, другимъ человѣкомъ; но едва разговоръ переходилъ на другой предметъ, онъ снова погружался въ задумчивость и молчалъ, какъ мертвый.

Сама Кунигунда надѣялась, что рожденіе сына придастъ ему охоты къ хозяйству, побудитъ его къ труду и къ пріобрѣтенію; но все кончалось только глубокими размышленіями и откладываньемъ до завтра. Онъ все ожидалъ, что современнымъ все пойдетъ лучше, что все уладится само собою, что настанутъ лучшія обстоятельства. Сѣкиринскіе издавна вели ужъ тяжбу съ наслѣдниками Лендскихъ о приданомъ умершей безъ потомства Агаты Сѣкиринской. Пришла очередь и скарбнику подать какое-то заявленіе въ люблинскій трибуналъ, чтобы не допустить дѣла до забвенія. Нужно было ѣхать въ городъ. Долго онъ собирался въ дорогу, откладывалъ, медлилъ, наконецъ, когда ужъ начала угрожать ему просрочка, двинулся съ небольшими деньгами въ Люблинъ, напутствованный благословеніемъ священника, къ удивленію котораго онъ объявилъ, передъ самымъ выѣздомъ, по-секрету, что если только Лендскіе сдѣлаютъ

шагъ къ полюбовной сдѣлкѣ, то онъ готовъ на нее согласиться.

— Видишь ли, *вацпанъ добродѣйный*,—говорилъ потихоньку скарбникъ,—я не сказалъ объ этомъ никому, даже и самой Кунусѣ, но рѣшилъ, по здоровомъ размысленіи, лучше оставить сыну въ наслѣдство спокойный кусокъ хлѣба, нежели великія надежды и хлопоты.

— Святія твои слова, добродѣй,—отвѣтилъ съ живостью священникъ.—Мирись, мирись: вы ужъ и такъ разорили себя эту тяжбою...

— И выиграла бы мы ее, когда бъ еще немного терпѣнія; но я старѣюсь, мальчику нуженъ хлѣбъ, мы въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; кончу ужъ, хоть съ потерей.

— Прекрасная мысль: одобряю ее omnimodo! Да, лучше полы обрѣзать, лишь бы уйти отъ тяжбы.

— Такъ и быть,—важно сказалъ Сѣкиринскій, — возьму хоть половину своего иска.

— Хоть бы и четверть, такъ и за то слава Богу!—сказалъ священникъ.

— О, нѣтъ! ужъ этого-то не будетъ! Приданое Агаты Сѣкиринской равняется тогдашнимъ 50,000 злотымъ, а съ процентами за столько лѣтъ намъ слѣдуетъ, очевидно и ясно, болѣе полтора милліона.

— Если, *ваимосцъ*, рассчитываешь такимъ образомъ,—прервалъ священникъ,—то едва ли что нибудь выйдетъ.

— А какъ же иначе?—сказалъ скарбникъ. — Это святая справедливость; но для спокойствія я уступаю половину.

Священникъ пожалъ плечами, а Лонгинъ Сѣкиринскій сѣлъ въ таратайку и, въ глубокомъ размысленіи, отправился въ Люблинъ. Тамъ онъ нашелъ юристовъ, которые утверждали, что съ его правами можно судиться еще сто лѣтъ; но онъ остался вѣренъ своему намѣренію и объявилъ адвокату противной стороны о своей готовности на мировую. Послали къ наслѣдникамъ Лендскихъ, но тѣ, къ изумленію пана скарбника, разсмѣялись, пожалы плечами и отвергли предложеніе. Итакъ, онъ подалъ новую претензію и возвратился домой, молчаливый, но очевидно потрясенный и огреченный.

Какъ выѣзжая въ Люблинъ, онъ ничего не сказалъ женѣ о своемъ предположеніи окончить тяжбу полюбовною сдѣлкою,

такъ и возвратясь, молчалъ о своемъ униженіи передъ наслѣдниками Ленскихъ, а на вопросъ священника отвѣчалъ только пожатіемъ плечъ. Скоро, однакожь, и жена и священникъ замѣтили, что въ немъ происходитъ что-то особенное. Несмотря на свою задумчивость, онъ обыкновенно бывалъ веселъ, а теперь съ каждымъ днемъ становился мрачнѣе; часто не слышалъ, что ему говорили; случалось, что на вопросы, которые, повидимому, слышалъ, не отвѣчалъ и, погруженный въ мысли, уже не только цѣлые дни, но и часть ночей проводилъ въ шаганьи взадъ и передъ по комнатѣ. Ничто его не занимало, не исключая и ребенка, котораго рожденія онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ; а ласковыя просьбы жены, чтобъ поберегъ себя, чтобъ постарался разсѣяться, принималъ какъ глухой. Почтенный священникъ, который прежде умѣлъ расшевелить его, заведя рѣчь объ исторіи Сѣкиринскихъ, теперь не въ состояніи былъ ничего изъ него выжать, кромѣ нѣсколькихъ холодныхъ словъ. Говоря съ нимъ, скорбникъ не смотрѣлъ на него по-прежнему, а устремлялъ глаза или въ стѣну, или въ окно, или въ изорванный холстъ, висѣвшій мѣшками на потолкѣ. Было очевидно, что имъ овладѣла меланхолія, какъ тогда говорили, или, иначе, ипохондрія, по выроженію пана Корниковского, отъ котораго я узналъ всѣ эти подробности.

Такое состояніе ума скорбника ужаснуло бѣдную женщину, особенно когда онъ началъ сильно худѣть. Она прибѣгнула за совѣтомъ къ священнику, и было рѣшено пригласить доктора, нѣмца, какого-то Фогельвидера, который жилъ въ ближайшемъ мѣстечкѣ. А чтобъ не испугать Сѣкиринскаго, она сдѣлала видъ, какъ будто приглашаетъ медика для ребенка. Священникъ отправился лично за нѣмцемъ и привезъ его въ Сѣкиринокъ. Выхула, стоя за воротами, засмѣялся, когда увидѣлъ ѣдущаго къ сосѣду лѣкаря, и сказалъ злобно:

— Загрызу-таки бестію!

Физикъ Фогельвидеръ (въ то время такъ еще называли лѣкарей) былъ толстый нѣмецъ, одѣтый въ кургузый національный костюмъ, въ смѣшномъ напудренномъ парикѣ, съ огромнымъ мѣшкомъ, въ треуголкѣ и съ огромною палкою въ рукѣ. Онъ былъ украшенъ пукомъ цѣпочекъ и печатей у часовъ, и носилъ полные карманы лѣкарствъ, потому что соеди-

нялъ въ своемъ лицѣ врача, аптекаря, хирурга, дантиста и ходячую аптеку. Наука не совсѣмъ ему далась, и именно по-этому обстоятельству выѣхалъ онъ въ Польшу, гдѣ въ то время былъ недостатокъ въ лѣкаряхъ. Онъ лѣчилъ смѣло, гордился своею профессіею и смотрѣлъ презрительно на народъ, не говорившій по-нѣмецки. Больше всего любилъ деньги, а послѣ нихъ почиталъ лучшими благами жизни картофель и пиво. Палка была ему необходима, потому что онъ въ дѣтствѣ еще повредилъ себѣ ногу, которая теперь походила на копыто и придавала ему; въ глазахъ простолудиновъ, сходство съ чортомъ. Въ выраженіи лица его было также что-то сатанинское. Оно было блѣдно и неподвижно; но когда онъ говорилъ, черты его приходили въ конвульсивное движеніе, брови прыгали по лбу, парикъ съ кожею ходилъ по черепу, глаза бѣгали во всѣ стороны, а губы странно выворачивались, какъ свиное рыльце; но черезъ минуту все это возвращалось къ неподвижности камня. Дѣти боялись Фогельвидера, какъ привидѣнія, тѣмъ болѣе, что онъ находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобъ пугать ихъ и доводить до слезъ. Будучи низкопоклоненъ съ знатными, ползая передъ панами, онъ обходился съ шляхтою гордо и безъ всякой учтивости, а съ мужиками и жидами — презрительно.

Такого лѣкаря, за неимѣніемъ другого, везъ священникъ въ Сѣкиринокъ, толкуя ему во всю дорогу, чтобъ онъ показывалъ видъ, что помогаетъ ребенку, а между тѣмъ наблюдалъ за отцомъ и сказалъ откровенно, что думаетъ о состояніи его ума. Физикъ, повидимому, понималъ слова священника, потому что безпрестанно повторялъ:

— Коршо, коршо! Будь спокойна. Мой знаетъ все и сдѣлаетъ, что надо! Коршо, коршо!

Скарбникъ былъ уже предувѣдомленъ о приѣздѣ доктора и заблаговременно приготовилъ послѣдній талеръ, завернувъ его въ чистую бумажку; только предупредилъ священника, что руки какой-нибудь швали онъ не подастъ и за столъ съ собой не посадить.

Несмотря на свою привычку трахать свысока бѣдную шляхту — а домъ въ Сѣкиринкѣ не показывалъ богатства — нѣмецъ, въ присутствіи важнаго скарбника, который и въ истасканномъ кунтушѣ сохранялъ панскій видъ, почувствовалъ не-

обходимость быть учтивымъ и поклонился хозяину съ униженностью. Подъ видомъ разговора, вперялъ въ него взоръ, наблюдалъ его дыханіе, блескъ его глазъ и, какъ бы любуясь прекрасною формою его руки, пощупалъ у него пульсъ, что молчаливый панъ ему позволялъ, хотъ и не безъ отвращенія, потому что не любилъ нѣмцевъ, почитая всѣхъ ихъ не дворянами и обдиралами. Наконецъ нѣмецъ отправился къ ребенку, и на вопросъ хозяйки, о здоровьѣ мужа, отвѣчалъ безъ обиняковъ.

— Очень куда! очень куда! гипохондриакусъ! пульсъ лихорадка... трудно дѣло! будетъ *брыкъ*!

Къ счастью, хозяйка не поняла, что значить *брыкъ*, но священникъ догадался и спросилъ, что дѣлать больному? У Фогельвидера отъ всѣхъ болѣзней было только три лѣкарства: кровопусканіе, прочищающія пилюли и, какъ называлъ онъ, *womitif*; а такъ какъ болѣзнь была сильна, то онъ и прописалъ всѣ три лѣкарства разомъ. Нужно было убѣдить Сѣкиринскаго въ необходимости принять лѣкарства, убѣдить въ болѣзни, которой онъ въ себѣ не чувствовалъ, и склонить его къ послушанію. Употреблены были всѣ способы, но все напрасно: умоляла жена, увѣщевалъ священникъ—на все онъ отвѣчалъ коротко и рѣшительно: «Оставьте меня въ покоѣ, я здоровъ.» Между тѣмъ онъ очевидно чахнулъ, хотя и утверждалъ, что здоровъ, какъ рыба. Наконецъ долженъ былъ слечь въ постель и началъ кашлять; показалась кровь. Послали опять за Фогельвидеромъ, который почти насильно выпустилъ изъ него тарелку крови и обѣщалъ самыя лучшія отъ того послѣдствія. Но въ теченіе цѣлой недѣли скарбникъ не вставалъ, и священникъ приготовилъ его къ смерти.

Бѣдная жена стояла на колѣняхъ, съ ребенкомъ на рукахъ, у постели, плакала, молилась, и горестъ ея была такъ сильна, что и самъ нѣмецъ морщился, на нее глядя. Между тѣмъ Ви-хула постоянно стоялъ у воротъ и смѣялся, привѣтствуя проходящаго мимо священника самыми страшными извѣстіями о здоровьѣ скарбника.

— А что, не правду я говорилъ?

— Оставить бы тебѣ его ужъ въ покоѣ, человѣче, — отвѣчалъ священникъ, — пора опомниться. Какъ тебѣ не стыдно

твоей злобы? По крайней мѣрѣ лежащій на смертномъ одрѣ не будетъ врагомъ христіанину.

— Ого! нѣтъ, и на катафалкѣ еще буду допекать его! — восклицалъ злобный сосѣдь.

— Ты бѣсъ, а не человѣкъ! — вскрикнулъ священникъ, уходя и затыкая себѣ уши.

Онъ мною брезгаетъ; пускай же знаетъ, кѣмъ брезгаетъ и кого считаетъ ниже себя! — говорилъ Вихула.

Когда наступилъ послѣдній часъ, скарбникъ не обнаружилъ никакого волненія. Когда всѣ окружающіе его плакали, онъ тихо и спокойно молился; потомъ обратился къ женѣ и сказалъ съ подобающею его роду важною:

— Не плачь, моя вельможная Кунуся, не убивайся; Господь надъ нами, надъ вдовой и сиротою. Онъ не оставитъ наслѣдника столь великаго имени и наградитъ его за заслуги предковъ. Объ одномъ тебя прошу: не допускай его помрачать своего происхожденія и старайся, чтобъ онъ велъ жизнь, приличную своему сану. Оставляю тебѣ наслѣдство лучше великаго богатства, потому что славное, древнее имя много значить въ свѣтѣ. Воспитывай Собѣслава, какъ ему прилично: пускай готовится заблаговременно или къ воинской, или къ помѣщичьей жизни, а въ крайности пускай идетъ по гражданской части, хотя еще ни одинъ Съкиринскій не былъ юристомъ; но смотри, вельможная пани, чтобъ наша сѣкира не упала въ грязь...

Тутъ голосъ его ослабѣлъ и, когда священникъ воззвалъ на молитву, онъ кротко улыбнулся, закрылъ глаза и отдалъ Богу душу. По всему дому и двору разлились жалобы и плачь, потому что, — говорилъ панъ Корниковскій, — жена была къ нему отъ всей души привязана, и люди любили и почитали покойника. Но неотступныя житейскія заботы не дозволили пани Кунигундѣ досыта наплакаться надъ мужемъ; бѣдняжка, несмотря на свою болѣзнь, должна была подумать сперва о похоронахъ, приличныхъ званію покойнаго, а потомъ объ участи ребенка и своей собственной.

Вихула, догадавшись о смерти сосѣда по всеобщему плачу и вою, плюнулъ только съ досады, что такъ о немъ сожалеютъ.

— Есть по комъ плакать! Издохъ — однимъ исомъ на свѣтѣ меньше; а мы еще поиграемъ съ ея мосцею и сыномъ.

Всѣ, кто слышалъ эти слова, поражены были ужасомъ и съ изумленіемъ смотрѣли на оскотинившагося человѣка.

Въ домѣ у Сѣкиринскихъ, во время смерти хозяина, былъ такой во всемъ недостатокъ, что если бъ не священникъ и не столѣникъ пурскій, панъ Петръ Корниковскій, то не было бы возможности и похоронить прилично покойника. Сосѣдняя шляхта и далекіе родственники Сѣкиринскихъ, узнавъ отъ священника о несчастіи вдовы, прислали также, чего было нужно, потихоньку, такъ что было за что и пригласить духовенство и устроить катафалкъ, и обить галуномъ гробъ, и еще приготовить хорошій поминальный обѣдъ. Это доставило вдовѣ большое утѣшеніе, тѣмъ болѣе, что на похороны собралось отовсюду множество народа, что, по словамъ пана Корниковского, придавало имъ немало пышности, такъ что Вихула чуть не сошелъ съ ума отъ злости. Въ самомъ дѣлѣ, похороны были великолѣпныя, какъ у какого-нибудь магната. Когда процессія проходила мимо двора сосѣда, онъ, по своему обычаю, стоялъ у воротъ, и, въ неукротимой ничѣмъ своей злобѣ, говорилъ:

— Добраго здоровья, сосѣдъ! Спокойной ночи! спокойной ночи!

Никто даже не посмотрѣлъ на него, но, по странной случайности, траурная повозка, наѣхавшая на камень, подскочила противъ самыхъ воротъ; крышка гроба, слабо укрѣпленная, сдвинулась на сторону, а бѣлая рука покойника протянулась, какъ бы для примиренія, къ Вихулѣ, который поблѣднѣлъ и отступилъ назадъ, ворча что-то сквозь зубы.

Жена, увидя это съ крыльца, прибѣжала и почти насильно потащила съ собой домой мужа, который, какъ въ бреду, усмѣхался и все твердилъ:

— Не даетъ мнѣ покою и по смерти! не даетъ мнѣ покою!

Черезъ нѣсколько дней докторъ Фогельвидеръ пріѣхалъ на буланомъ иноходцѣ къ пану Вихулѣ, лежавшему въ горячкѣ, посмотрѣлъ ему на языкъ, пощупалъ пульсъ и сказалъ холодно: *канутъ!*

Онъ не ошибся: чрезъ нѣсколько дней у постели больного сидѣлъ уже священникъ и именемъ распятаго Христа заклиналъ его простить всѣхъ и со всѣми примириться; но Вихула ворчалъ только въ бреду:

— Еще и по смерти преслѣдуютъ меня! Не пощажу жены! не пощажу дѣтей!

Бредъ его увеличивался; сосѣдъ чрезъ недѣлю послѣ скарбника умеръ почти въ тотъ самый часъ, что и онъ. Всѣ увѣряли, и панъ стольникъ пурскій видѣлъ собственными глазами, что надъ его смертнымъ одромъ вдругъ завалился потолокъ. На похоронахъ Вихулы мало было посѣтителей, и, несмотря на достатокъ, некому было ѣсть за поминальнымъ обѣдомъ, а двойныхъ галуновъ на гробъ Вихулы почти никто не видѣлъ.

Почтенная вдова Сѣкиринскаго, по совѣту священника, пошла проводить гробъ сосѣда, въ доказательство, что не питала къ нему въ сердцѣ злобы. Но часто самые лучшіе наши поступки истолковываются превратно, и братъ Вихулы, Протасъ, изъ Вержболова, такой же задорный человекъ, какъ и покойникъ, принявъ это за обиду себѣ и поклялся отомстить. Напрасно священникъ, внушившій такую мысль вдовѣ Сѣкиринскаго, толковалъ ему, что это сдѣлано въ духѣ христіанскомъ; упорный и ожесточенный панъ Протасъ божился, что развѣ живъ не будетъ, если не покажетъ Сѣкиринскимъ, что значать Вихулы.

Такимъ образомъ, ничтожное обстоятельство сдѣлалось для бѣдной вдовы причиною безконечныхъ огорченій. Мы уже сказали (зная объ этомъ какъ нельзя лучше отъ стольника), что пани Сѣкиринская осталась по смерти мужа въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ на имѣніи числилось недоимокъ, разныхъ процентовъ и займовъ больше, нежели оно само стоило. А тутъ нѣтъ ни одного близкаго родного помочь, такъ какъ она родомъ была издалека и выросла здѣсь почти среди чужихъ людей. Когда священникъ пригласилъ стольника пурскаго для просмотра документовъ и приведенія въ извѣстность долговъ и тяжёбныхъ дѣлъ, у пана Корниковскаго пошелъ морозъ по кожѣ отъ жалкаго положенія, въ какомъ увидѣлъ онъ несчастную вдову съ сиротою. Сѣкиринокъ удерживался за нимъ только чудомъ, потому что кредиторы могли отобрать его, если бъ захотѣли, тотчасъ. Что тутъ было дѣлать? Стольникъ предлагалъ разные совѣты, надѣясь на Бога и на будущее; но злобный братъ Вихулы, поселясь у его вдовы, которая пришла къ нему по вкусу, началъ скупать долги, ле-

жавшія на Съкиринкѣ, съ намѣреніемъ выжить изъ деревни Съкиринскихъ. Пособить злу не было никакой возможности, и столыникъ, описывая мнѣ объ этомъ, говорилъ, что не могъ смотрѣть безъ слезъ на несчастную вдову и сироту—наслѣдниковъ такого великаго имени, терпѣвшихъ притѣсненія, бѣдность и ожидавшихъ каждую минуту, что ихъ прогонятъ изъ-подъ ветхаго крова, подъ которымъ жило столько поколѣній ихъ предковъ. Младшій Вихула принялся за свое дѣло съ такою дѣятельностью, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Съкиринской не оставалось ничего больше, какъ только просить пощады.

Она пошла къ нему съ священникомъ и, изъ любви къ сыну, не затруднилась упасть къ ногамъ его и молить о милосердіи; но не только онъ, да и сама его невѣстка выбѣжала къ ней навстрѣчу съ упреками, что покойникъ былъ причиною смерти ея мужа, что Съкиринскіе всю жизнь оскорбляли ихъ и что теперь настала гордецамъ очередь идти по міру. Просительница встала съ нѣкоторою гордостью и воротилась молча къ пустому своему дому, который должна была скоро оставить навсегда. Съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа принялась она продавать остатки своего хозяйства, чтобъ собрать сколько-нибудь денегъ и отправиться въ Люблинъ. Тамъ оставался еще у нихъ купленный нѣкогда, для удобнѣйшаго производства тяжбы съ Лендскими, деревянный домъ, въ которомъ она вознамѣрилась теперь поселиться. Сосѣдняя небогатая шляхта, усердствуя Съкиринскимъ, скупила все, до пзломанныхъ стульевъ и дивановъ, до разломанныхъ сундуковъ и разбитыхъ бочонковъ, такъ что вдова собрала нѣсколько сотъ золотыхъ. Деревенскіе мужики и бабы плакали и приходили, пока могли, къ ней, кто съ курицей и яйцами, кто съ поросенкомъ, и такимъ образомъ питали обѣднѣвшихъ своихъ господъ до самаго выѣзда. А когда Съкиринская сѣла въ таратайку съ сыномъ и старою Доротою, прощаясь съ ветхимъ домомъ, въ которомъ прожила столько лѣтъ, который видалъ и радость и горе, когда она, прижимая къ груди ребенка, не могла отъ слезъ ничего видѣть—единодушный плачь толпы наполнилъ дворъ, и крестыяне проводили ее до самаго креста за деревнею. Тамъ еще наклали ей, кто чего могъ, въ таратайку и долго стояли, глядя на уѣзжающихъ.

Какъ единственную памятку минувшаго, Съкиринская везла съ собой извѣстное уже вамъ старое, закоптѣлое родословное дерево и всѣ портреты предковъ, какіе только могла найти; а изорванные сожгла, чтобъ Вихулы не ругались надъ ними.

Надо было видѣть, съ какимъ злобнымъ торжествомъ всѣ они, старые и малые, прибѣжали въ опустѣвшій домъ по отъѣздѣ хозяйки,—съ какою радостью бѣжали по темнымъ и печальнымъ комнатамъ, гдѣ эхо вторило протяжно звуки шаговъ и голосовъ ихъ. Они бродили здѣсь до самой ночи, насмѣхаясь и осматривая комнаты, и наслаждаясь удовлетворенною злобой. Было ли то дѣло Божеское или человѣческое, но лишь только семейство Вихулы перешло за порогъ стараго дома, онъ вдругъ обрушился. Начались слѣдствія, явились подозрѣнія; но ничего не узнали, потому что всѣ подпорки оказались цѣлыми и не найдено нигдѣ слѣдовъ пилы или заступа.

Вихула велѣлъ очистить мѣсто отъ бревенъ и щепокъ и превратилъ подворье Съкиринскаго въ мѣсто прогулокъ для своихъ барышенъ.

Между тѣмъ Съкиринская ѣхала потихоньку къ Люблину, полагаясь на Бога, въ размышленіяхъ о своемъ будущемъ житьѣ-бытьѣ. Кромѣ труда собственныхъ рукъ, у нея не оставалось никакихъ къ тому средствъ, а кромѣ домика въ Люблинѣ—никакого имуществъ. Путь былъ дологъ и печаленъ. Вдова, привыкнувъ сидѣть дома и выѣзжая прежде только на короткое время къ соседямъ, боялась всего: разбойниковъ, бури, евреевъ въ корчмахъ, воровъ, ночи. Дорота, старый кучерь Матвѣй и еще одинъ человѣкъ, Андрей, правившій другою телегою, напрасно старались успокоивать ее: они и сами, очутясь въ незнакомой сторонѣ, потеряли бодрость духа. Но мать беспокоилась еще больше о ребенкѣ, нежели о самой себѣ: ей казалось, что тряска повозки, жаръ и неудобство помѣщенія будутъ ему вредны; и хотя мальчику было уже лѣтъ семь и онъ больше забавлялся ѣздою, чѣмъ страдалъ отъ нея, однакожь вдова съ каждымъ днемъ открывала что-нибудь пугавшее ее то въ румянцѣ его щекъ, то въ частомъ снѣ, то въ ненатуральной, какъ она говорила, его веселости. Поминутно останавливались, перекладывались, доставали съѣстное или что-нибудь изъ платья, срывали для ребенка цвѣты по дорогѣ, приносили ему воды. Доб-

рые слуги, привязанные къ госпожѣ своей, старались всячески угождать ея желаніямъ, часто самымъ необыкновеннымъ.

Старый Матвѣй, нѣкогда кучеръ, пока было на чемъ разъѣзжать, а потомъ простой возница, не намѣренъ былъ даже возвращаться въ Сѣбиринокъ, хотя оставилъ тамъ братьевъ и старуху мать. Онъ почиталъ своимъ долгомъ служить, пока хватитъ силъ, госпожѣ и ея сыну, которыхъ любилъ столько, сколько умѣлъ любить. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые привязываются къ господамъ, какъ къ роднымъ, и готовы были бы платить имъ, чтобъ только не прогоняли ихъ отъ себя. Старикъ былъ добрая душа, но большой ворчунъ, такъ что и съ покойникомъ позволялъ себѣ спорить и укорять его въ глаза, хотя это дѣлалось единственно отъ усердія. Скарбникъ терпѣлъ съ улыбкою замѣчанія стараго слуги, а вдова его платила всегда за нихъ рюмкою водки и полдникомъ. Матвѣй имѣлъ очень важную наружность, гордо хилилъ длинные, сѣрые усы, которые иногда чернилъ и закручивалъ верху; лобъ у него былъ въ морщинахъ, лицо угрюмое, взглядъ грозный, такъ что съ перваго взгляда онъ казался злымъ и запальчивымъ человѣкомъ, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ не было добрейшаго существа и большаго говоруна; и если только ему давали досыта наворчатся, наговориться и накричаться, то больше ничего ему и не нужно было. За недостаткомъ людей, онъ говорилъ вслухъ съ своими лошадьми или съ самимъ собою, и все это не иначе, какъ сплевывая и бранясь. Еще водился за нимъ тотъ недостатокъ, что онъ употребленіе и производство нюхательнаго табаку почиталъ важнымъ дѣломъ, съ которымъ ничто не могло равняться. Онъ былъ увѣренъ, что его способъ приготовления этого живительнаго вещества превосходить всѣ другіе, и что ни одинъ табакъ, хоть бы его привезли изъ Парижа, не имѣлъ такого запаха, цвѣта и вкуса. Если онъ удостоивалъ понюхать изъ чужой табакерки, то для того, чтобы презрительно усмѣхнуться и одолжить потомъ пріятеля своимъ табачкомъ. Этому славному способу готовить табакъ онъ научился у одного странствующаго бернардинскаго монаха и тайлъ его, какъ величайшій секретъ. Всѣ слуги въ Сѣкиринкѣ уважали Матвѣя, какъ нельзя больше, а въ дорогѣ теперь онъ былъ прямымъ предводителемъ. Онъ съ

необыкновенною важностью погонялъ трехъ тощихъ блячь, ворча себѣ что-то подь носъ, помахивая кнутомъ и разговаривая съ лошадьми разными голосами. Иногда онъ обращался съ какою-нибудь затѣйливою фразою къ госпожѣ своей или уничижало однимъ словомъ Дороту, на которой вымѣщалъ свою досаду, какъ и на лошадяхъ; а на всѣ жалобы госпожи и панича предлагалъ единственное средство помочь бѣдѣ — табакъ, которымъ готовъ былъ попотчевать и маленькаго Собѣслава.

— Дитя спать хочетъ? Понюхалъ бы бернардинки, такъ и сонъ пройдетъ! — говорилъ онъ. Хочется ѣсть — онъ предлагалъ свой рожокъ съ табакомъ; пить — рожокъ; словомъ, на всё у него былъ одинъ отвѣтъ: рожокъ и табакъ. И не удивительно, потому что Матвѣй почиталъ табакъ лѣкарствомъ отъ всѣхъ болѣзней и горестей. Отъ лихорадки онъ давалъ его въ водкѣ; отъ головныхъ болей также давалъ табакъ; раны засыпалъ табакомъ; словомъ, совѣтовалъ его всѣмъ и во всякое время. Нѣсколько разъ въ дорогѣ, видя, что пани горюетъ и плачетъ, онъ подавалъ Доротѣ свой рожокъ, дѣлая знакъ, чтобъ она передала госпожѣ, и когда Дорота отвергала его предложеніе, онъ пожималъ плечами и бранился.

Дорота, любимица госпожи и нянька маленькаго Собѣслава, также очень удачно была выбрана въ подружки изгнанія и бѣдности. Трудно было найти сердце добрѣе. Она жила своимъ воспитанникомъ, и, не знаю, была ли бы въ состояніи любить горячѣе свое собственное дѣтище. Это была уже не молодая, сильная, плечистая женщина, съ грубыми чертами лица, изукрашеннаго оспою, румяная, живая, говорливая и трудолюбивая. Какъ Матвѣй всегда былъ нахмуренъ, такъ, напротивъ, она была обыкновенно весела и привѣтлива, и ничто не могло затмить надолго ясности ея характера. Едва взгрустить и заплакать, ужъ бѣжить къ работѣ и поетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Работа для нея была животворною стихіею. Никогда она не оставалась и минуты праздною: даже и въ дорогѣ вязала чулокъ, хотя часто дремала надъ этимъ непривычнымъ дѣломъ, и желала работы болѣе тяжелой и размашистой. Въ домѣ она была всѣмъ: кухаркою, служанкою, ключницею, нянькою, садовникомъ и не знаю чѣмъ еще, и постоянно жаловалось, что ей нечего дѣлать. Ее видно было всюду, въ амбарѣ, въ погре-

бѣ; ея ключи и рѣзкій, веселый голосъ слышны были въ комнатѣ; вдругъ она очутится въ кухнѣ, летитъ въ садъ, а часто сбѣгаетъ еще и поле посмотрѣть, не лѣнятся ли работники. Съ Матвѣемъ, при всемъ взаимномъ уваженіи ихъ другъ къ другу, воевала она безпрестанно. Дорота упрекала его, что все время свое онъ убиваетъ на поливанье и подрѣзывать табаку; онъ называлъ ее егозою; но гдѣ дѣло касалось господской выгоды, оба ладили совершенно.

Таковъ былъ дворъ бѣдной вдовы, сопутствовавшій ей добровольно. Кони, старый Шпакъ, коренной, и двѣ кобылы, одна гнѣдая, а другая гораздо меншаго роста, называвшаяся Бѣлкою, въ краковскихъ шлейкахъ, кой-какъ исправленныхъ стараніями Матвѣя, везли желтую, связанную во многихъ мѣстахъ бичовками, таратайку. Андрей, мужикъ изъ Сѣкиринка, долженствовавшій воротиться изъ Люблина въ деревню, былъ погонщикомъ телѣги, которая везла пару сундуковъ, нѣсколько фамильныхъ портретовъ, игрушки маленькаго Собѣслава и немного крупъ, муки и гороху въ уздахъ. Сверхъ этого таинственнаго скарба Дорота привязала кѣтку съ пятью любимыми курицами и желтымъ пѣтухомъ. Таратайка и телѣга подвигались впередъ чрезвычайно медленно, такъ что иной день дѣлали не болѣе пяти миль. Матвѣй, съ приличною важностью, правилъ лошадьми, оживляя ихъ болѣе голосомъ, нежели кнутомъ.

— Стыдились бы, старые! Эй, Шпакъ! ты думаешь, что я не вижу? — говорилъ онъ, доставая медленно изъ кармана рожокъ свой: — будетъ кнутъ въ работѣ! Дышло тебя опереживаетъ! Вотъ же тебѣ за это! Ага! видишь, что я не слѣпъ! Эй, ты, малютка, ну! ну! вытягивай! Бѣлка почтенная лошадка. — Вотъ вамъ примѣръ; одна таратайку тащитъ!..

Такъ говоря, закладывалъ онъ кнутъ и возжи подъ мышку, или подъ ногу и принимался за табакъ, а между тѣмъ посматривалъ исподлобья на лошадей, которые такъ ужъ привыкли уменьшать шагъ, когда онъ доставалъ рожокъ съ табакомъ, что всякій разъ едва не останавливались; но лишь только онъ спрячетъ рожокъ, онѣ спѣшили предупредить его увѣщанія и пускались кой-какъ рысью. Понюхавъ табаку, онъ дѣлался веселѣе и оборичивался къ Доротѣ; если она дремала, подносилъ ей къ носу щепотку бернардинки, а если нѣтъ, то

ворчалъ на нее, самъ не зная, за что. Дорота отвѣчала на его ворчанье веселымъ смѣхомъ и еще больше подстрекала его краснорѣчіе, въ надеждѣ, что это развеселитъ ея господа. Но вдова, молчаливая и погруженная въ думы, ѣхала, глядя только на сына и о немъ одномъ думая. Передъ каждою корчмою они останавливались, то отдохнуть, то напиться воды, то достать чего-нибудь для дитяти, то покормить лошадей, то исправить что-нибудь въ упряжи, которая безпрестанно рвалась. Такимъ образомъ дорога тянулась нѣсколько недѣль; наконецъ, однажды вечеромъ, Матвѣй указалъ бичомъ что-то показывающееся изъ-за холмовъ. То былъ Люблинъ.

Вдова перекрестилась. Сердце ея вздрогнуло, и, сложа руки, вся дрожа, начала она молиться, между тѣмъ, какъ маленькій Собѣславъ всталъ на колѣняхъ Дороты, чтобы лучше рассмотреть большой городъ.

Матвѣй, который не разъ бывалъ въ Люблинѣ, указывалъ множество костѣловъ, воротъ и называлъ улицы и предмѣстья.

Но всѣ другіе путники молчали, пораженные страхомъ и тѣмъ непонятнымъ чувствомъ, которое поражаетъ человека, когда онъ приближается къ мѣсту послѣднихъ своихъ надеждъ. Вдова молилась, мальчикъ дивовался, Дорота задумалась, а старый возница ворчалъ то на нихъ, то на лошадей, которыхъ теперь погонялъ уже не одними словами.

Сѣкиринская, не бывавшая никогда въ большомъ городѣ, такъ была смущена огромными, раскинувшимися во всѣ стороны и стѣсненными между собой домами и этимъ шумомъ, громомъ и говоромъ, что готова была воротиться назадъ и жалѣла ужъ, что не осталась въ деревнѣ.

— Что мнѣ здѣсь дѣлать?—думала она со слезами:—среди этой толпы незнакомыхъ, непріязненныхъ, равнодушныхъ людей? О, Боже! помоги мнѣ!

И прижимала къ груди сына, какъ-будто ему что-то угрожало.

Между тѣмъ Матвѣй искалъ глазами въ предмѣстьи Винярахъ кровлю домика Сѣкиринскихъ, чтобы заранѣе указать его.

— Вонъ, вонъ!—закричалъ онъ наконецъ:—вонъ тотъ, что подлѣ дома, гдѣ изъ трубы дымъ, налѣво, вотъ подлѣ тѣхъ деревьевъ, гдѣ два бѣлыхъ столба... Это нашъ домикъ! видишь, *еймосць?* Нѣтъ, нѣтъ, направо, третій... Да! да! Не плошай,

Бѣлка!.. А, можетъ быть, я плохо вижу!.. Ну, да ужъ дѣло само себя покажетъ, когда подъѣдемъ. А ну, разомъ, дѣтки!

И ударилъ по лошадямъ.

— Тише, пожалуйста, тише! — отозвалась вдова.

— Э, что тутъ рассказывать, — сказалъ возница: — тише или скорѣе ѣхать! Какъ стемнѣетъ въ улицахъ, то еще что-нибудь стащатъ съ воза у этого ротозѣя, Андрея. Валяй теперь по всѣмъ по тремъ — правда, Дорота?

— Ступай, ступай, полно болтать! — шепнула служанка, по-сматривая на госпожу свою.

— Почему же не болтать? — сказалъ Матвѣй. — Что жъ? ты развѣ ротъ мнѣ зажмешь, чтобъ только самой языкомъ молотъ? Отчего же мнѣ не сказать слова-другого? Такъ нѣтъ же, буду говорить! Видишь, вонъ гдѣ нашъ домикъ, вонъ тотъ, что какъ-будто выглядываетъ, высунувшись немного изъ-за забора. Два окна съ одной, два окна съ другой стороны, и колодезь. Только у насъ колодезя нѣтъ!.. Ошибся! Ну, ну, Бѣлка! Шпакъ, вытягивай! Андрей, не отставай, слышишь? А какъ вѣдемъ въ городъ, посматривай назадъ, чтобъ тебя не обокрали. Сохрани Богъ бѣды, но думай себѣ тогда! Я самъ влѣплю тебѣ...

Вдругъ колесо сильно ударилося о камень, и Матвѣй принялся проклинать камень.

— Вотъ люди! никто не приметъ камня съ дороги! Ыздать, ломають колеса, а никто не подумаетъ откатить въ сторону камень! Лѣнтяи! бездѣльники!

— Почему жъ ты этого не сдѣлаешь?

— Развѣ я здѣшній? И у твоей милости голова завалена всякимъ вздоромъ, такъ мнѣ очищать, что ли? Знаю я издавна здѣшній народъ: бездѣльники, просто бездѣльники!

Такъ онъ подъѣхалъ къ городскимъ воротамъ и, круто поворота въ сторону, вѣхалъ въ узкую улицу, которая вела въ предмѣстіе Виняры.

Вдова, посреди толкотни жидовъ и городского говора, совершенно потерялась, потупила глаза, обняла сына, разсматривавшаго все съ любопытствомъ, и предоставила слугамъ отысканіе домика, въ которому они, по словамъ Матвѣя, должны были прямо подъѣхать. Матвѣй привсталъ на козлахъ и началъ извиваться между бричками, фурами, пѣшими, конными,

будками и лавочками торговать, съ необыкновенною ловкостью, работая языкомъ и кнутомъ, въ совершенной увѣренности, что какъ разъ попадетъ къ домику. Но, увы! онъ позабылъ расположение Люблина, мракъ не давалъ разпознать улицъ, и скоро онъ наѣхалъ на такую огромную кучу сора, что не могъ больше сдѣлать ни одного шага впередъ.

— Такъ и есть! заблудился! явно заблудился! Нѣтъ, надобно будетъ воротиться немного назадъ. Никакъ я этого не ожидалъ. Но мы должны быть очень недалеко отъ дома; только я, объѣзжая этого висѣльщика — жида, взялъ слишкомъ уже вправо.

Завернуть лошадей иначе было нельзя, какъ только подвинувши назадъ повозку, что даже съ помощью Андрея не легко было сдѣлать. Между тѣмъ жида окружили таратайку и Матвѣй воспользовался этимъ, чтобъ разспросить о домикѣ Съкиринскихъ. Но никто не зналъ о немъ; поѣхали назадъ и поколесили еще нѣсколько времени. Наконецъ Матвѣй, вручивши возжи Доротѣ и приказавъ Андрею беречь повозку и таратайку, отправился развѣдывать пѣшкомъ.

Темнота между тѣмъ сгущалась болѣе и болѣе; вдова со страхомъ оставалась посреди улицы, наполненной жидами и всякимъ сбродомъ. Многіе подходили къ таратайкѣ и присматривались къ прїѣзжимъ. А Матвѣй пошелъ и какъ-будто въ воду канулъ. Сперва слышно было невдалекѣ, какъ онъ бранилъ жидовъ зато, что они, живя въ Люблинѣ, не знаютъ дома Съкиринскихъ, потомъ все утихло; черная ночь повисла надъ головами заблудившихся; улица опустѣла; кони, повѣся головы, дремали; вдова молилась; маленькій Собѣславъ зѣвалъ и просилъ ѣсть.

Матвѣя нѣтъ, какъ нѣтъ; Дорота хотѣла было послать за нимъ Андрея, чтобъ захватить покаместъ хоть на постоянный дворъ, пока найдутъ свой домикъ; но кто знаетъ, куда онъ дѣвался? Надо было стоять терпѣливо и ожидать.

Такъ прошло съ добрый часъ времени. Часы пробили въ отдаленіи двѣнадцать, и окна домиковъ освѣтились одни за другими, увеличивая темноту въ улицѣ. Съкиринская плакала; Собѣславъ начиналъ дремать, а Дорота проклинала Матвѣя.

Наконецъ слышались вдали тяжелые шаги и ауканье,

какъ въ лѣсу. Андрей отвѣчалъ на него съ радости такъ громко, что жители сосѣднихъ домиковъ въ недоумѣніи высунули въ окна головы, и Матвѣй явился передъ лошадьми, бранясь на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Вотъ люди, чтобъ ихъ громомъ побилъ! бестіи! негодные! лайдаки! Какъ можно не знать дома Сѣкиринскихъ? Еще дуракъ, когда его потчевашь табакомъ, говорить, что не нюхаетъ! Ослы, сущіе ослы!

— А нашелъ домикъ?

— Поди-ка сама, попробуй, поищи, егоза!

— Такъ заѣдемъ на постоянный дворъ пока. Дитя ѣсть хочетъ; пани плачетъ.

— Да кто жъ тебѣ говорить, что я не нашелъ, долговолосая?

— Такъ поѣзжай скорѣе!

— Да, тебѣ только: ну! да поѣзжай! а возжей не умѣла досмотрѣть. Не видишь, что Шнакъ взялъ ихъ подъ хвостъ, гнѣдая заступила, а Бѣлка совсѣмъ выѣзла изъ упряжи! Эхъ, ужъ давать бабѣ возжи, такъ все равно, что табакъ на землю сыпать.

— Матвѣй, поѣзжай, пожалуйста!— сказала тихо вдова.

— Сейчасъ, ясная пани, только поправлю, сейчасъ. Отсюда недалеко до нашего домика. Я нашелъ его и хорошенько спросилъ. Не позналъ я потому, что онъ сызнова выбѣленъ.

Такъ говоря, Матвѣй взобрался на козлы и прикрикнулъ на лошадей.

— Андрей, береги телѣги, какъ глазъ свой!

Протацившись кой-какъ улицы двѣ, Матвѣй повернулъ наконецъ въ отворенныя ворота, которыхъ одна половинка висѣла оторванная, и остановился посреди небольшого двора, заваленнаго колодами, передъ избушкою, въ которой два окна были освѣщены, а два темныя.

Обитатели этой избушки, услышавъ стукъ и крикъ, выскочили на крылечко. То были толстая баба въ чепцѣ и маленькая дѣвчонка. Обѣ съ удивленіемъ смотрѣли на пріѣзжихъ.

— Это, что ли, домъ Сѣкиринскихъ?— спросилъ Матвѣй тономъ завоевателя.

— Этотъ, самый!—отвѣчала толстая баба, вытирая рукавомъ ротъ, набитый ужиномъ.

— А что вамъ надо?

— Что надо?—повторилъ возница.—А какъ твоей милости кажется, чего можетъ хотѣть хозяинъ, пріѣхавши домой?

— Что жъ это? Кто жъ тутъ хозяинъ?

— А мы, ваша милость, потому что это нашъ домъ. Пани наша пріѣхала изъ деревни отдохнуть въ городъ.

Когда Матвѣй говорилъ это, Дорота и ея госпожа съ сыномъ выѣзжали изъ таратайки; но толстая баба все еще, казалось, не понимала, въ чемъ дѣло.

— Другая половина, должно быть, не занята,—сказала ей тихо Дорота,—давай намъ ключи.

— Правда, что не занята,—отвѣчала крикливымъ голосомъ, почесывая пальцемъ голову, баба,—да тамъ мой разный хламъ.

Сказавъ это, она побѣжала въ избу, схватила свѣчку въ мѣдномъ подсвѣчникѣ и, свѣтя, начала усердно просить гостей къ себѣ.

— Будьте ласковы, господа, пожалуйста ко мнѣ, а я тѣмъ временемъ поуберу тамъ; видите, пани, комнаты стояли пустыя, такъ всего въ нихъ набросали; а тамъ еще сова вышибла стекло въ окнѣ, такъ заткнули тряпкою; и печка развалилась, а полъ такъ перегиблѣ, что надо было его выломать.

Матвѣй слѣзъ уже съ козелъ и, крутя усь, слушалъ болтовню толстой бабы. При послѣднихъ словахъ ея, онъ схватился за голову.

— Такъ этакъ вы бережете господскій домъ! — гаркнулъ онъ наконецъ.—Платите самую малость, лишь бы присматривали за всѣмъ въ домѣ, да еще все растаскали! Погодите же!

Толстая баба испугалась и закричала громче прежняго.

— А что жъ вашей лачугѣ сдѣлалось? Развѣ я виновата? Что я вамъ за сторожъ? Лачуга чуть не валится, я каждый годъ подпирваю: то штукатурю, то бѣлю, то крѣю. Чѣмъ я виновата? Пускай пани идетъ покамѣстъ ко мнѣ, а тамъ починимъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше ступайте вы себѣ съ дѣтьми на пустую половину,—закричалъ Матвѣй,—а *ея-мосцѣ* займетъ вашу

— Какъ бы не такъ! Вишь ты! Развѣ легко такъ-же перебраться съ дѣтьми и съ пожитками, какъ тебѣ приказать! Пускай пани взойдетъ ко мнѣ, а завтра кой-какъ помиримся.

Нечего было дѣлать, надо было помѣститься у торговки,

оборванные дѣти которой, вытаращивъ глаза, выглядывали изъ угловъ на прїѣзжихъ. Матвѣй, между тѣмъ, засвѣтя съ важностью сальный огарокъ, отправился на другую половину осматривать господскіе покои. Но въ какомъ видѣ онъ нашелъ ихъ! Выбитыя окна, выломанные полы, сырые, покрытые плѣсенью стѣны, на потолкѣ течь, печка въ развалинахъ, а по сухимъ угламъ навалены мѣшки и всякая домашняя рухлядь. Другую комнату торговка обратила въ чуланъ, а въ третьей держала куръ и свиней.

Напрасно она старалась оправдывать себя, потому что Сѣкиринская не слушала ее. Дорота занята была своимъ питомцемъ; а Матвѣй, воротясь съ осмотра и понюхавъ табакъ, принялся читать торговкѣ грозную проповѣдь, совершенно забывъ о лошадяхъ.

На другой день наняли мастеровыхъ для починки домика, а торговка начала перебираться къ сосѣдкѣ, бранясь и проклиная неожиданныхъ гостей. Домикъ Сѣкиринскихъ стоялъ на высокомъ косогорѣ, окруженный небольшимъ садикомъ и еще меньшимъ дворомъ. Онъ былъ маленькій и состоялъ изъ пяти комнатокъ и сѣней. Вдова поселилась на первый разъ въ жилищѣ торговки, а между тѣмъ, подъ руководствомъ Матвѣя, отличнаго надзирателя за работниками, приводили въ порядокъ другую половину, починяли кровлю, настилали полы и чинили стѣны.

При всей любви Матвѣя къ его клячамъ, вдова принуждена была продать ихъ тотчасъ, чтобъ не издерживаться на кормъ. Не такъ-то легко было это сдѣлать, потому что, кромѣ гнѣдой кобылы, остальные были никуда негодное старье; притомъ же Матвѣй соглашался уступить ихъ не иначе, какъ за хорошую цѣну. Наконецъ, когда пришлось разстаться съ ними поневолѣ, выбранилъ всѣхъ; жидъ, который купилъ ихъ, выдралъ за пейсы и потомъ дня два не переставалъ жаловаться на свою потерю.

Сѣкиринская должна была тотчасъ истратить на починку домика часть денегъ, собранныхъ передъ выѣздомъ изъ деревни, а вырученныя отъ продажи лошадей, разбитой таратайки и разныхъ, менѣе нужныхъ вещей, пошли на обзаведеніе разными домашними вещами, которыхъ дороговизнѣ Дорота не могла надивиться.

Нѣсколько сотъ злотыхъ составляли всю казну вдовы; но Дорота, размышляя о томъ, чѣмъ имъ жить, осмотрѣла тотчасъ садикъ и, по дороговизнѣ въ городѣ овощей, рассчитала, что обрабатываніе грядъ и продажа капусты, свеклы и прочаго будетъ имъ важнымъ пособіемъ для жизни. Матвѣй, не уступающій Доротѣ въ привязанности къ госпожѣ и желаніи помогать ей, расчистилъ для себя за конюшнею кусокъ хорошо удобренной земли и принялся сѣять табакъ, съ намѣреніемъ открыть у себя фабрику нюхательнаго табаку, въ совершенной увѣренности, что сбытъ его будетъ огроменъ, лишь только жители Люблина узнаютъ его достоинство.

Но Сѣкиринская и не подумала о пріобрѣтеніи средствъ для жизни трудами рукъ своихъ—такъ это казалось ей и невозможнымъ и неприличнымъ. Она думала только о воспитаніи и будущности сына. Ея понятія о знатности рода Сѣкиринскихъ и объ обязанностяхъ дворянина были такъ-же странны, какъ и понятія ея покойнаго мужа, отъ котораго она ихъ восприняла. Онъ столько разъ повторялъ ей на смертномъ одрѣ, чтобъ она воспитала сына сообразно еѣ его происхожденіемъ; онъ такъ часто высказывалъ и прежде еще свое презрѣніе къ занятіямъ *недворянскимъ* (какими, по его мнѣнію, были ремесла и торговля), что вдовѣ не пришло и въ голову трудиться самой или пріучать сына работать собственными руками. Какъ ни велика была ихъ бѣдность, какъ ни страшна была ихъ будущность, но Сѣкиринская воображала, что легко будетъ пристроить Собѣслава гдѣ-нибудь при дворѣ магната, или въ войскѣ, или въ какомъ-нибудь присутственномъ мѣстѣ. Скоро, однакожъ, пришлось разстаться ей съ этими надеждами, потому что бѣдное дитя было слабаго, нѣжнаго сложенія, малаго роста, худощаво, словомъ, лишено тѣхъ свойствъ, какія требуются для воина; а медленная, съ заиканьемъ рѣчь удаляла его и отъ поприща судебного. Но сердце матери долго, долго еще противилось убѣжденіямъ дѣйствительности и жило мечтою. Она надѣялась, что современемъ онъ укрѣпится, вырастетъ и исправитъ свою рѣчь.

Началась городская жизнь, часъ-отъ-часу труднѣе, полная горя и заботъ о завтрашнемъ днѣ, угрожаемая безпрестанно недостаткомъ, опиравшаяся единственно на промыслъ двухъ добрыхъ

слугъ, которые лѣзли изъ кожи, чтобъ трудами своими скрывать отъ госпожи бѣдственное состояніе ея средствъ. На вопросы ея всегда ей отвѣчали, что доходовъ съ огородовъ и сада довольно для домашнихъ запасовъ; но какія надо было имѣть слугамъ сердца, какое самопожертвованіе, чтобъ, не привыкнувъ прежде къ городской жизни, добывать въ ней средства къ существованію и не сбиться съ своей дороги порчею нравовъ, дурными знакомствами и тысячью другихъ обстоятельствъ!

Матвѣй, не дожидаясь, пока вырастетъ на грядахъ его табакъ, началъ покупать его на рынкѣ. Онъ въ совершенствѣ владѣлъ искусствомъ выбирать самый лучший, и завелъ въ сѣняхъ фабрикацію любимого своего порошка въ большемъ, нежели когда либо размѣрѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что если только городскіе охотники нюхаютъ узнаютъ его табакъ, который онъ называлъ *матвѣичемъ*, то у него будетъ довольно покупателей, и онъ не замедлитъ составить для своей госпожи порядочный капиталецъ. Сперва это казалось очень легкимъ дѣломъ, но, побродя по городу, онъ увидѣлъ, что тамъ продавали множество разныхъ сортовъ табаку по весьма низкой цѣнѣ. Правда, по мнѣнію Матвѣя, щепотка его табаку стоила больше фунта другого и въ каждомъ сортѣ онъ находилъ толченое стекло, золу, мелко изрѣзанную щетину и другія вредныя для носа вещества, но тѣмъ не менѣе конкурентовъ было множество и трудно было приобрести передъ ними первенство.

Увѣренность въ собственномъ достоинствѣ не допустила его, однакъ, упасть духомъ, и онъ засѣлъ молотъ табакъ въ огромной глиняной лахани, избравъ себѣ позицію, выгодную тѣмъ, что Дорота часто должна была проходить мимо него и давала ему много случаевъ хорошенько побраниться. Въ антрактахъ онъ тѣшилъ себя монологами о свойствахъ табачныхъ листьевъ и самого порошка и разговорами съ самимъ собою, которые любилъ душевно и умѣлъ обращать въ свою пользу. Такъ, напримѣръ, засѣвши съ утра надъ своею лаханью, привѣтствовалъ самъ себя весело:

— Здравствуй, Матвѣй! — Здравствуйте. — «А что твой табакъ?» — Да вотъ мелется, добродѣй. — «Мели, мели, только было бы кому нюхать.» — Объ этомъ не беспокойтесь; лишь бы

попробовали. — «А что это ты сегодня заспался?» — Заспался! а можетъ быть, и нѣтъ! Что тутъ толковать, заспался! Развѣ и помолиться уже нельзя передъ работою? Помолился Богу, слѣдовало бы позавтракать, да поди ты потолкуй съ этой егозой, Доротою! У нея еще въ печи холодно, у нея еще рано; а идучи мимо, сама говорила, что долго сплю. Такъ, какъ бывало въ Сѣкиринкахъ... Э! э! болтай, болтай, а табаку не три! Эхъ, голубчикъ листочекъ, не крутись попусту, ступай на дно, сотру тебя въ порошокъ, хоть и не люблю тебѣ. Ты, видно, какой-нибудь Вихула. Вотъ же тебѣ, вотъ! и т. п.»

Дорота, съ своей стороны, разузнавши, чѣмъ живетъ торговка, занимавшая прежде половину ихъ домика, не говоря ни слова госпожѣ, постаралась о лавочкѣ, накупила разныхъ мелкихъ вещицъ и лакомствъ, и хоть ее журили, что она таскается безпрестанно по городу, но она въ торговые дни проводила на рынкѣ по нѣскольку часовъ, продавая свои товары. Добываемый такимъ образомъ барышъ шелъ на домашнія потребности или по крайней мѣрѣ на необходимѣйшіе запасы для кухни.

Матвѣй, хотя съ большимъ трудомъ, но таки успѣлъ прославить свой табакъ. Онъ былъ человекъ *оге facundus*, какъ говаривалъ Корниковский; умѣлъ хвалить себя и свой табакъ и увѣрялъ, что въ Мазовіи его искусство пользовалось всеобщее извѣстностью. Нашлись люди, которые этому повѣрили и начали покупать матвѣичъ. Старый возница насказывалъ имъ столько достоинствъ своего зелья, что матвѣичъ правилъ иному поневолѣ, и хоть фабрикантъ не очень много добывалъ денегъ, по крайней мѣрѣ не бѣлъ даромъ хлѣба и, сверхъ того, общалъ себѣ въ будущемъ горы золота.

Любилъ старикъ помечтать. Бывало, сидя за работою и вращая скалкою, какъ-будто вмѣстѣ съ табачными листьями приводитъ въ движеніе и свои мысли, начнетъ говорить самому себѣ сказки, какъ ребенокъ.

— Ъдетъ вельможный панъ-воевода въ шестиконной коляскѣ; за нимъ дворъ, слуги безъ числа. Ъдутъ, ъдутъ, а табаку въ дорогу позабыли. А тутъ у пана воеводы носъ отщипалъ и даже скорчился. Ай! кто живъ, кто въ Бога вѣруетъ, нухъ табаку! Подходить кто-то и открываетъ табакерку. Во

вода взялъ, потянулъ, отвѣдалъ. «А! а! что за табакъ! наслаждение! блаженство! Откуда это *вацпанъ* досталъ такого табаку?» — «Отъ Матвѣя; это табакъ — матвѣичъ.» — «Ищите, зовите его!» — Матвѣй идетъ и только усъ покручиваетъ. «Извольте, пане воевода!» А тотъ ему горсть золота. Тутъ и король узнаетъ о матвѣичѣ и велитъ высылать его себѣ. Деньги сыплются, сыплются, и я покупаю для панича Сѣкиринокъ и на старости занимаю для себя комнатку черезъ сѣни, и мелю ему табакъ; потому что, развѣ не буду живъ, а ужъ онъ у меня будетъ нюхать!

Такъ бредилъ Матвѣй, трудясь надъ табакомъ; а въ комнатѣ спокойно сидѣла вдова съ сыномъ. Утромъ она ходитъ съ нимъ въ костелъ, нарядя его какъ можно лучше, хоть сама была одѣта убого, какъ-будто его служанка; днемъ учитъ его читать по катихизису, а вечеромъ идетъ съ нимъ гулять, въ сопровожденіи Матвѣя или Дороты. Когда-жъ настанутъ сумерки, дитя садится за столomъ, а пани рассказываетъ ему исторію о Сѣкиринскихъ, указывая на фамилные портреты и на родословное дерево, и говоритъ, говоритъ до тѣхъ поръ, пока не подадутъ ужинъ, а дитя не начнетъ дремать.

Такъ съ малолѣтства воспитывала она въ немъ дворянскую гордость и, повторяя все, что нѣкогда скарбникъ рассказывалъ съ такимъ энтузіазмомъ, вкореняла въ немъ глубоко чувство собственнаго достоинства. По мнѣнію бѣдной вдовы, не было въ Польшѣ семейства, не было высокаго сана или должности, недоступныхъ для Сѣкиринскаго. Въ молодой головѣ гуляли уже гетманы, воеводы, каштеляны, и важныя фигуры старыхъ портретовъ слились ему не разъ; онъ видѣлъ, будто его берутъ за руку, ведутъ въ великолѣпные чертоги, сажаютъ высоко и осыпаютъ золотомъ и почестями... Бѣдному мальчику грезилось, что его убожество и униженіе не могутъ быть постоянны; что это только какое-то испытаніе; что выпадетъ какой-то случай, произойдетъ какое-то счастливое событіе, которое выведетъ его изъ этого состоянія, — и онъ пробуждался съ удивленіемъ, что день за днемъ идутъ однообразно, что никто не приходитъ на помощь, что никто не прерываетъ печальной тишины, уединенія и бѣдности. Мать поддерживала эти мечты, вспоминая часто о тяжбѣ съ Лендскими, и хоть эта тяжба не

двигалась впередъ, по недостатку средствъ, но постоянно была какою-то звѣздою надъ головою ея сына. А сынъ между тѣмъ росъ, набожный, тихій, добрый, но до такой степени увѣренный, что онъ, переодѣтый королевичъ, какъ-будто былъ имъ въ самомъ дѣлѣ. По вечерамъ онъ любилъ сидѣть у колыба матери и слушать ея безконечныя сказанія о Сѣкиринскихъ, о ихъ сраженіяхъ, объ ихъ обширныхъ владѣніяхъ, о милостяхъ къ нимъ королей, о почтеніи къ нимъ дворянства, о богатствѣ, значеніи ихъ въ государствѣ; слушая все это, онъ думалъ: «я буду такимъ!»

Матвѣй и Дорота, съ своей стороны, набравшись разсказней которыя въ Сѣкиринкѣ съ незапамятныхъ временъ были для всѣхъ насущною пищею и обратились въ народныя преданія, наперерывъ набивали мальчику голову знатностью его рода. Сверхъ того, и почтенный стольникъ пурскій панъ Петръ Корниковскій, нѣкогда бѣжайшій другъ покойника скарбника, часто пріѣзжая въ Люблинъ и гостя у Сѣкиринской по цѣлымъ недѣлямъ, способствовалъ своими разсказами о старинѣ къ укорененію въ молодой головѣ Собѣслава мнѣнія о высококомъ происхожденіи его семейства.

Собѣславъ имѣлъ всѣ фамильныя черты своихъ предковъ. Онъ былъ небольшого роста, учтивъ, бѣлъ лицомъ, имѣлъ пріятную улыбку, звучный голосъ, только немножко заикался, въ чемъ маменька не только не видала недостатка, напротивъ, видѣла пріятную особенность. Не будучи отъ природы живъ и развязенъ, онъ рано началъ задумываться; изъ его вопросовъ видно было, что онъ, подобно своему отцу, думаетъ глубоко и понимаетъ не хуже отца свое достоинство. Щедрый до расточительности, онъ готовъ былъ отдать нищему послѣднюю одежду, соблазновалъ до слезъ всякому горю, но считалъ себя такимъ исключительнымъ существомъ, что отъ сосѣднихъ дѣтей, заманивавшихъ его въ свои игры, уходилъ какъ отъ огня. Въ домѣ онъ былъ болѣе господиномъ, нежели его мать; все ему служило, всѣ повиновались его мановенію, и воля Собѣслава была закономъ.

Такъ проходили годы. Собѣславъ ходилъ въ іезуитское училище и оказывалъ нѣкоторые успѣхи въ наукахъ. Сверхъ того, отецъ Ксаверій, учитель поэзій, изъ состраданія къ си-

ротѣ, или изъ другихъ видовъ, приходилъ къ нему на домъ повторять съ нимъ уроки и занимать его разговорами. Мать начала догадываться, что іезуиты завлекутъ ея сына въ монашество, и до тѣхъ поръ не успокоилась, пока Собѣславъ не объявилъ, что не чувствуетъ ни малѣйшей склонности къ духовному званію и не согласится ни въ какомъ случаѣ на убѣжденія своихъ наставниковъ. Къ чему же чувствовалъ онъ склонность? Ему хотѣлось быть паномъ, а ужъ на худой конецъ, зажиточнымъ дворяниномъ, владѣтелемъ деревни, помѣщикомъ, должностнымъ человѣкомъ. Но какъ далеко до этого ему было! Матвѣй и Дорота едва добывали своими промыслами средства для жизни, да и то часто должны были быть на діѣтѣ, за недостаткомъ говядины. Великіе расчеты Матвѣя на табакъ совсѣмъ не оправдались. Онъ все-таки приготавливалъ его попрежнему, но большую часть его табаку закупалъ стольникъ пурскій, а въ городѣ только нѣсколько купцовъ приучили къ матвѣичу свои носы, находя его крѣпкимъ и ѣдкимъ, какъ перецъ. Доротѣ счастливо было нѣсколько больше; но она съ каждымъ днемъ становилась нужнѣе ослабѣвающей здоровьемъ госпожѣ, и немного выбирала времени для производства своей торговли. Иногда Матвѣй занималъ въ лавочкѣ ея мѣсто; но онъ такъ много болталъ и бранился и такъ надѣдалъ всѣмъ табакомъ своимъ, что у него немногіе что-нибудь покупали.

Вдова, безпокоясь все болѣе и болѣе объ участи сына, поручила, наконецъ, стольнику пурскому окончательную сдѣлку съ наслѣдниками Лендскихъ, касательно тяжбы, и надѣялась выручить отъ нихъ какую-нибудь сумму. Стольникъ пурскій, не безъ нѣкоторой гордости, что столь великое дѣло зависитъ отъ его стараній, разсмотрѣлъ бумаги, посоветовался съ адвокатами и отправился къ Зарѣцкимъ, которымъ досталось наслѣдство Лендскихъ вмѣстѣ съ тяжбою за него. Дѣло своею давностью и огромнымъ количествомъ выросшихъ процентовъ сдѣлалось смѣшнымъ; не было возможности выиграть его судебнымъ порядкомъ; притомъ же, стольникъ пурскій, несмотря на свое усердіе, не обладалъ юридическими способностями, а сверхъ того, по своему простодушію, тотчасъ открылъ Зарѣцкимъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находятся его кліенты. Это совершенно успокоило Зарѣцкихъ, и сперва они обратили

все въ шутку, но потомъ изъявили готовность заплатить вдовѣ три тысячи золотыхъ, въ видѣ милостыни. Стольникъ разсердился и отвергнулъ предположеніе; но вдова, посовѣтовавшись съ добрыми людьми и убѣдясь, что ей больше не получить, согласилась на мировую и за три тысячи. Такъ мечты о миллионѣхъ кончились ничтожною суммою; впрочемъ, и это было великою помощью бѣднякамъ. Капиталецъ отданъ въ вѣрныя руки на проценты, что столикъ пурскій выполнилъ со всею формальностью, и пани Сѣкиринская, ослабѣвая съ каждымъ днемъ, занималась ужъ тѣмъ только, чтобъ внушать сыну дворянскія чувства, о которыхъ заповѣдалъ ей покойный мужъ на смертномъ одрѣ.

Наука какъ-то не давалась, потому что Собѣславъ былъ полонъ такихъ странныхъ понятій объ обязанностяхъ дворянина высокаго происхожденія, какимъ онъ почиталъ себя, что панъ Корниковскій видѣлъ въ этомъ дѣло самой природы. Со слезами на глазахъ слушалъ онъ юношу, трактующаго почти словами отца о родѣ Сѣкиринскихъ, и восхищался дивнымъ возрожденіемъ отцовскаго духа въ сынѣ; потомъ обнималъ его съ чувствомъ и удалялся, полный отрадной мысли, что юноша, подающій такія великія надежды, не погибнетъ. Онъ предсказывалъ ему блистательную участь и, по его мнѣнію, не доставало только какого-нибудь случая, чтобъ онъ вступилъ на предназначенную ему дорогу.

Случай этотъ, однакожъ, не представлялся. На письма къ далекимъ родственникамъ, которыя вдова отъ времени до времени писала, получались въ отвѣтъ отговорки и учтивости, а часто одно молчаніе. Собѣславъ между тѣмъ росъ быстро, и сердце матери билось тѣмъ неспокойнѣе, тѣмъ нетерпѣливѣе, тѣмъ живѣе, при мысли о его будущности, что она ужъ изнемогала отъ старости, уже не могла ходить въ костелъ и большую часть времени проводила въ креслахъ съ молитвенникомъ на колѣняхъ.

При жизни мужа, она хлопотала объ одномъ хозяйствѣ, будучи убѣждена, что онъ лучше ея знаетъ, какъ позаботиться о судьбѣ сына. Притомъ же, какъ ни убого въ деревнѣ, но та жизнь была раемъ въ сравненіи съ городскою. Теперь бѣдная вдова должна была нести все бремя заботъ объ устройствѣ

будущности сына и, борясь съ бѣдностью, отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ, чтобъ только онъ не терпѣлъ недостатка. Все это быстро разрушило ея здоровье; открылись тяжкія болѣзни; она страдала постоянно, но, изъ боязни опечалить сына, скрывала свои страданія. Съ ангельскою кротостью переносила она свои бѣдствія и, сидя въ креслахъ съ молитвенникомъ на колѣняхъ, молилась только о сынѣ. Смерть только тѣмъ была и страшна ей, что она оставляла его одного въ свѣтѣ, посреди равнодушной толпы людей, которые толкаютъ всякаго, прокладывая себѣ дорогу, и если слабый падаетъ, не слышать его стонъ и попираютъ ногами. Все наслѣдство Собѣслава составляли молодость, имя, домикъ и три тысячи злотыхъ, а всѣхъ его друзей—Матвѣй, Дорота и стольникъ Корниковский, который также склонился къ могилѣ, лысѣлъ, сѣдѣлъ и часто съ улыбкой поговаривалъ, что ему пора ужъ *ad patres*. Слуги сильно безпокоились о своей госпожѣ. Дорота пошла по бабамъ спрашивать лѣкарствъ; дѣлали припарки, пластыри, настойки, ванны, даже заговаривали болѣзнь, но ничто не помогало.

Въ такихъ обстоятельствахъ Собѣславъ достигъ двадцати лѣтъ; но онъ не развился еще окончательно и не казался взрослымъ. Ему, повидимому, было не болѣе пятнадцати лѣтъ—такъ свѣжи были его розовыя щеки, такъ невеликъ онъ былъ ростомъ, такъ мало у него было силы; но онъ казался скорѣе баричемъ, нежели сыномъ убогаго шляхтича. Уединенный и робкій, онъ образовалъ себѣ особенный характеръ, весь обращенный внутрь. Все, что въ немъ было, скрывалось отъ наблюдателя непроницаемо. Молчаливый, таинственный, избѣгавшій дружескихъ отношеній, хотя ласковый и добрый, онъ, казалось, боялся людей или считалъ ихъ недостойными себя. Онъ ко всѣмъ былъ предупредительно учтивъ, никому не подавалъ повода къ какому-нибудь неудовольствію, но ни съ кѣмъ отъ сердца не сходилъ, никого не принималъ близко къ душѣ. Сверстники напрасно старались съ нимъ сблизиться: онъ не отталкивалъ ихъ, но холодно держалъ себя вдали и не открывалъ имъ ни своихъ мыслей, ни тайны своего положенія въ жизни.

Еще въ іезуитскомъ училищѣ молодежь называла его хо-

лоднымъ и бездушнымъ человѣкомъ, и только старшіе и про-
ницательнѣйшіе изъ учителей усматривали въ немъ умѣнье
владѣть собою и сильное самолюбіе, которыми они могли бы
хорошо воспользоваться, если бы онъ согласился вступить въ
ихъ орденъ; но Собѣславъ искусно уклонился отъ ихъ убѣж-
деній, не отказываясь наотрѣзъ и не обѣщая, а откладывая до
нѣкотораго времени. Тогдашнее воспитаніе не слишкомъ раз-
вивало человѣка и мало приготавливало его къ жизни. Высшею
школою науки жить была тогда для юноши служба при дворѣ
какого-нибудь магната, въ войскѣ или въ присутственномъ
мѣстѣ. Однакожь, сирота нашъ не безъ пользы посѣщаль учи-
лище іезуитовъ: онъ порядочно научился по-латыни, такъ что
и самого стольника пурскаго удивлялъ своими отборными фра-
зами, которыя кстати вплеталъ въ разговоръ, по обычаю тог-
дашнихъ образованныхъ людей; лизнулъ немножко и другихъ
наукъ; но всего больше оказалъ успѣховъ въ математикѣ и
умѣлъ вести счеты съ необыкновенною быстротою.

Въ домашней жизни онъ обходился искренно съ одною ма-
терью, тѣмъ болѣе, что она никогда не пыталась заглядывать
въ глубину его сердца; съ прочими велъ себя пріятельски, но
холодно. Къ стольнику пурскому былъ почтителенъ, но не до-
пускалъ его въ тайникъ своей души и трактовалъ стараго
друга немного свысока. Дорота и Матвѣй, взлелѣявшіе и вскормившіе его своими трудами, считали его восьмымъ чудомъ
свѣта, а его важность и умѣренность въ разговорахъ съ ними
возбуждали въ нихъ какое-то боязливое къ нему почтеніе.
Они посматривали на него въ полглаза, украдкою и только
удивлялись ему.

— Что это будетъ за человѣкъ!—говаривала Дорота.—
А! а! далеко пойдетъ онъ, выше отца! Хотя точь-въ-точь та-
кой же молчаливый, какъ и покойникъ былъ, зато какъ заго-
ворить—есть что послушать!

Матвѣй, напротивъ, вмѣнялъ ему въ недостатокъ, что такъ
мало говорить, и особенно съ нимъ.

— Я люблю его,—шепталъ онъ Доротѣ, трудясь въ потѣ
лица надъ табакомъ:—добрый паничъ, да зачѣмъ онъ такой
молчанка, какъ будто ему кто ротъ замазалъ! Нѣтъ, и покой-
никъ не щедръ былъ на слова, это правда—царство ему не-

бесное—но все-таки, какъ придетъ человекъ и начнетъ его подстрекать на разговоръ, то и отзовется и поболтаетъ, да и моей болтовни послушаетъ. А паничъ—повернется, усмѣхнется: «Хорошо, хорошо, Матвѣй», и прощай. Какъ бы я не заступилъ ему дорогу, найдеть онъ куда увильнуть. Эхъ, жаль! все-таки могъ бы узнать отъ меня что-нибудь доброе и посоветоваться. *Ею-мосиу*, бывало, въ дорогѣ, какъ ѣдемъ по песку, такъ и о тяжбѣ со мной разговорится. И то худо, что табаку не понюхаешь, вотъ потому такъ и худошавъ...

Тѣмъ, однакожъ, не менѣе Матвѣй любилъ своего панича.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда, въ одно утро, пріѣхалъ довольно неожиданно панъ стольникъ пурскій. Старикъ, встрѣченный на дворѣ Матвѣемъ, который тотчасъ попотчевалъ его табачкомъ, медленно приближался къ крылечку, волоча ноги, опираясь на палку и на Матвѣя и спрашивая его о господахъ.

— Ну, каково поживаетъ ваша пани?

— Да что, сидитъ, пане стольникъ, въ креслѣ, и въ костель нѣтъ силъ дотащиться, молится, да охаетъ. Старость не радость. Да и вы что-то ногами шаркаете...

— Это онъ у меня въ дорогѣ что-то сомлѣли.

— Эге! вотъ и у меня, не знаю отчего, начали млѣть ноги. А прежде, бывало...

— А что паничъ вашъ?

— Здоровъ, слава Богу, и румянъ; только деликатный, какъ паненка; такой ужъ породы, видно. Ходитъ все еще къ отцамъ іезуитамъ, только не знаю за чѣмъ. Чему еще тамъ ему учиться? Вотъ, если бъ къ какому пану во дворъ. .

— Не по немъ такая служба, Матвѣй; тамъ иной разъ надо потерпѣть и холодъ и голодъ, а иногда, подъ сердитый часъ, и батогами попотчуютъ—не съ его натурою...

— Это правда,—сказалъ Матвѣй,—вотъ если-бъ нюхалъ табакъ, такъ больше было бы силы. Но что съ нимъ сдѣлаешь, когда меня не слушаетъ? .

Стольникъ разсмѣялся и пошелъ къ вдовѣ съ низкимъ поклономъ и готовою шуткою, какія онъ любилъ отпускать, иногда слишкомъ ужъ запросто. Но, взглянувъ на Сѣкиринскую, прикусилъ языкъ—такъ она перемѣнилась, такъ была

блѣдна, такъ тяжело дышала. Онъ поставилъ палку съ шапкою въ углу и, шаркая отъ дряхлости ногами, подошелъ къ ея креслу.

— Ну, что, *мосци добродѣйко*? какъ же ваше здоровье?

— Какъ видишь, не лучше, панъ стольникъ, кажется, что не долго протяну, ноги не служатъ, въ груди такъ залегло, что и лечь нельзя, только что дышу и живу.

— Надо а съ докторомъ посовѣтоваться.

— Напрасный трудъ, панъ Петръ, напрасный трудъ. Что Богъ предназначилъ, того не переименить ни одинъ докторъ. Кажется, что пришла пора отдохнуть.

— Э! фе, фе! Не хочу я этого слушать и не за тѣмъ я пріѣхалъ, чтобъ меня потчевали такими пустяками. Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ... Что Собѣславъ?

— Все тотъ же милый, несравненный мальчикъ.

— Ходить въ училище?

— Ходить, потому что больше нечего дѣлать. Хотѣла его къ суду пристроить, такъ боится товарищей, которые всякаго чѣмъ нибудь преслѣдуютъ.

— Къ чему же у него есть охота? Какъ вамъ кажется?

— Я думаю, что развѣ къ хозяйству. Это врождено дво-
рянину; но на чемъ хозяйничать? Развѣ за эти три тысячи взять гдѣ нибудь возлѣ васъ, панъ стольникъ, аренду?

— Тяжело, тяжело! Но, впрочемъ, объ этомъ поговоримъ. Почему же и не такъ? Лишь бы удалось пріискать.

— А что о Сѣкиринкѣ слышно?—спросила тихо вдова.

— Что? Тамъ уже молодой Вихула распоразается и буетъ, какъ чертъ въ омутѣ. Не въ свою мѣру гуляетъ. Не надолго ему хватитъ.

Старушка вздохнула. Стольникъ покрутилъ усъ, поправилъ полы у кунтуша и тоже вздохнулъ. Переимѣна лица и голоса вдовы сильно его поразила; онъ удивлялся, что не искали средствъ отъ такой явной болѣзни, и лишь только воротился домой Собѣславъ, онъ тотчасъ отвелъ его въ сторону и началъ говорить о докторѣ. Сынъ отвѣчалъ, что мать на это не соглашается, а вдова, вслушавшись въ ихъ разговоръ, или, можетъ быть, догадавшись, о чемъ они трактуютъ, прервала его словами:

— Я знаю, о чемъ вы говорите. Я уже сказала, что это будетъ напрасно. Сами увидите, что мнѣ совсѣмъ не нужно лѣкаря.

Въ самомъ дѣлѣ, когда, на другой день утромъ, открывали въ ея комнаткѣ ставни, ее нашли на постели мертвою, съ четками въ рукахъ.

Велика была горестъ слугъ, сына и друга. Дорота задыхалась отъ рыданій, а Матвѣй молчалъ, какъ дерево, что у него было признакомъ величайшей скорби. Собѣславъ молился, стоя на колѣняхъ у постели.

Послѣ похоронъ Сѣкиринской, панъ Борниковскій оставался еще нѣсколько дней въ городѣ, чтобы утѣшать осиротѣвшихъ слугъ и сына и потолковать съ нимъ о дальнѣйшей его жизни; но едва черезъ недѣлю могъ добиться отъ него нѣсколько словъ. Собѣславъ, не отвѣчая прямо на его вопросы, просилъ его только возвратить отданные на проценты три тысячи злотыхъ.

— Что-жъ ты съ ними думаешь дѣлать?

— Еще не знаю самъ, — отвѣчалъ Собѣславъ, — но надо что нибудь дѣлать.

— Но, вѣдь, это, милый Собѣславъ, послѣднее твое состояніе.

— Знаю, панъ стольникъ; но надо что нибудь дѣлать.

— Что же, напримѣръ, ты предпримешь?

— Самъ не знаю; время покажетъ; только я хочу имѣть деньги въ рукахъ.

— На это твоя воля! Не хочешь сказать мнѣ, я и не прошу, хотя старый другъ твоего отца и твой опекунъ имѣлъ бы, кажется, право. Но... какъ угодно.

Немного обиженный, панъ Борниковскій допилъ стоявшую передъ нимъ рюмку вина и отправился въ доминиканскій монастырь, любимое мѣсто его молитвъ. Возвратясь, онъ опять приступилъ къ Собѣславу, но ни въ тотъ, ни на другой день не узналъ его тайны, если она была въ самомъ дѣлѣ. Собѣславъ думалъ, ходя по комнатѣ, и на всѣ убѣжденія стольника отвѣчалъ, что не предпринималъ еще ничего рѣшительнаго.

По смерти Сѣкиринской, жизнь въ домикѣ очень перемѣнилась. Правда, Матвѣй и Дорота были главными хозяевами, но не съ кѣмъ было имъ обмѣняться словомъ, потому что Собѣ-

славъ оставался по цѣлымъ днямъ одинъ и, подобно своему покойному отцу, молча ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. На вопросы онъ не отвѣчалъ и ни разу не завелъ со слугами ни о чемъ рѣчи. Бѣдняжки должны были межъ собой потихоньку охать и горевать, пробавляться воспоминаніями прошедшаго и утѣшать себя тѣмъ, что и ихъ конецъ не далеко.

Когда уѣхалъ стольникъ, Собѣславъ началъ рѣже и рѣже оставаться дома; уходилъ съ утра, возвращался на минуту что нибудь поѣсть и опять до ночи его не было. Матвѣй сильно беспокоился и мучился любопытствомъ, но его старыя ноги отказывались слѣдить за паничемъ. Что же касается до Дороты, то она не хотѣла и проникать въ тайну прогулокъ Собѣслава, будучи совершенно убѣждена, что все будетъ хорошо, чтобы онъ ни дѣлалъ.

На самомъ дѣлѣ Собѣславъ бродилъ безъ всякой цѣли по многолудному въ то время Люблину, и въ общемъ шумѣ, говорѣ, движеніи искалъ облегченія тяготившей его грусти. Онъ заходилъ помолиться въ костелы, слушалъ въ судѣ адвокатовъ, зѣвалъ на депутатскія коляски, на дома богачей; потомъ опять углублялся въ тѣсныя и неопрятныя жидовскія улицы, и иногда вырывался даже за городъ. Правда, мысль его рѣдко останавливалась на видимыхъ предметахъ, еще рѣже билось у него сердце, но глаза были заняты и тоска уменьшалась.

Часто встрѣчался онъ съ многочисленною толпою молодежи люблинской, но онъ умѣлъ учтиво отъ нея отдѣлаться. Любимѣйшею его прогулкою было—пробѣжать краковское предмѣстье, пройти старыя ворота, потомъ, минуя ратушу, спуститься въ бѣдную часть города и выйти въ поле, на возвышенія, съ которыхъ открывались широкіе виды замка, города и монастырей. Лежа на травѣ, онъ по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на Люблинъ и думалъ, самъ хорошенько не понимая, о чемъ. Не разъ мысль о самомъ себѣ наполняла его душу грустью. Онъ чувствовалъ себя чѣмъ-то выше другихъ, и между тѣмъ былъ такъ малъ, такъ ничтоженъ, такъ никому не нуженъ въ этой толпѣ горожанъ, что, если-бъ его раздавили экипажи, то никто даже и не зналъ бы, кто погибъ. И если-бъ онъ погибъ, то это не было бы и замѣчено въ городѣ, потому что никому не было до него надобности, кромѣ Матвѣя и Дороты.

Вслѣдъ за такими мыслями, какъ будто для того, чтобъ еще глубже почувствовать свое горе, онъ начиналъ думать о минувшемъ значеніи своихъ предковъ, о ихъ богатствѣ, о ихъ знатности и спрашивалъ себя: «неужели эта бѣдность заслужена моимъ родомъ? Неужели нѣтъ средства выйти изъ нея?»

Однажды, когда онъ сидѣлъ въ тягостномъ раздумьи на любимомъ своемъ мѣстѣ, онъ замѣтилъ подходящаго къ себѣ человѣка, довольно забавной наружности: низенькаго, толстенькаго, румянаго, съ усами, посеребренными сѣдиною, въ кунтушѣ изъ тонкаго зеленаго сукна, обложенномъ куннымъ мѣхомъ—дѣло было осенью — и съ палкою, украшенною золотымъ набалдашникомъ, которую онъ держалъ въ рукахъ за спиною. Незнакомецъ подходилъ медленно, дѣлая извилины и слегка покашливая, какъ бы для того, чтобы обратить на себя вниманіе молодого человѣка. Въ глазахъ у него сверкала житейская смышленость и любопытство, но по всѣмъ его пріемамъ видно было, что онъ не смѣлъ прямо обратиться съ вопросомъ къ Собѣславу и искалъ благовиднаго предлога къ разговору. Подойдя къ нему довольно близко, онъ остановился, посмотрѣлъ съ легкою улыбкою на городъ, сдѣлавъ еще одинъ шагъ впередъ и, видя, что молодой человѣкъ не удаляется отъ него, началъ такъ:

— Правда, пане, что отсюда прекрасный видъ на нашъ городишко?

Церемонію, съ которою приближался старичокъ, можно было объяснить развѣ горделивою наружностью Собѣслава, его задумчивымъ видомъ и траурнымъ костюмомъ, сшитымъ очень ловко изъ тонкаго сукна, такъ что молодой человѣкъ казался гораздо богаче, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ, а богатство, извѣстно всякому, какое дѣлаетъ на людей впечатлѣніе.

Собѣславъ, на вопросъ старичка, приподнялся немного съ своего мѣста и, можетъ быть, довольный случаемъ поговорить, отвѣчалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ прекрасный видъ!

— Особенно для меня,—сказалъ господинъ въ мѣховомъ кунтушѣ;— я ужъ старъ, утомленъ жизнью, пора отдохнуть, и это моя родина; но молодому, какъ вы, панъ добродѣй, и, конечно, нездѣшнему...

— Я не могу называться нездѣшнимъ, потому что съ дѣтства живу въ Люблинѣ.

— Я самъ тутъ и родился,—продолжалъ старичокъ, садясь въ нѣкоторомъ отдаленіи подлѣ молодого человѣка.—Пріятно мнѣ, глядя съ горы на этотъ городъ, вспоминать, сколько пережилъ я на вѣку своемъ и бѣдности и болѣзней...

Собѣславъ бросилъ быстрый взглядъ на богато одѣтаго и румянаго старичка, какъ бы удивляясь, что и онъ говоритъ о бѣдности. Тотъ разгадалъ смыслъ его взгляда и прибавилъ:

— Не всегда я былъ такъ румянъ и полонъ, какъ теперь, и не всегда такъ одѣвался... Охъ! охъ!

Сказавъ это, онъ вздохнулъ и замолчалъ.

— Не примите моего вопроса за нескромность,—началъ онъ опять чрезъ минуту, —давно уже я замѣчаю, что вы ходите по городу, какъ будто безъ цѣли и съ какою-то грустью; не могу удержаться, чтобъ не спросить: что вы здѣсь въ Люблинѣ дѣлаете?

— Я? Ничего!—отвѣчалъ отрывисто Собѣславъ.—Хожу и думаю...

— И, конечно, кого-нибудь или чего-нибудь ожидаете?—спросилъ старичокъ.—Но извините меня за любопытство.

— Ничего,—отвѣчалъ медленно и стараясь не заикаться Собѣславъ, которому веселое лицо и показывающій зажиточность костюмъ незнакомца довольно понравились.—У меня нѣтъ никакого занятія; я не ожидаю никого и ничего.

И сказавъ это, онъ вздохнулъ.

Старикъ, несмотря на видимый зудъ въ языкѣ, замолчалъ на минуту и потомъ сказалъ, какъ бы вообще о молодыхъ людяхъ.

— Странное дѣло—молодежь безъ занятія; о, когда бы мнѣ Господь возвратилъ прежнія силы и годы!

— Что-жъ вы сдѣлали бы?—спросилъ съ любопытствомъ Собѣславъ.

— Что дѣлалъ бы? Началъ бы сызнова прожитую жизнь.

— Зачѣмъ? Вы, какъ мнѣ кажется, такъ довольны своею жизнью, что, вѣрно, не захотѣли бы ничего въ ней перемѣнить.

— А, въ самомъ дѣлѣ, я не желалъ бы, чтобъ хоть на йоту было со мной въ жизни иначе, нежели было.

— Рѣдкое счастье! — сказалъ со вздохомъ Собѣславъ.

Между тѣмъ начинало темнѣть. Молодой человѣкъ поднялся, чтобъ пройти еще засвѣтло на возвратномъ пути предмѣстья. Старикъ всталъ также, и оба побрели потихоньку къ городу, разговаривая о разныхъ постороннихъ предметахъ. Въ одной изъ лучшихъ улицъ, называвшейся *Гродскою*, старикъ разстался съ Собѣславомъ и вошелъ въ калитку большого каменнаго дома.

На другой день Собѣславъ, позабывъ почти о вчерашней встрѣчѣ, отправился вечеромъ, по своему обычаю, за городъ и расположился на одномъ изъ возвышеній, нѣсколько далѣе того мѣста, гдѣ сидѣлъ вчера. Не прошло четверти часа, какъ старикъ, въ мѣховомъ кунтушѣ, показался въ сторонѣ и прошелъ мимо своего знакома, кивнувъ ему слегка головой. Черезъ полчаса онъ возвращался изъ своей прогулки и снова завелъ съ нимъ разговоръ, изъ котораго Сѣбиринскій узналъ только кой-какія городскія новости, но ничего о немъ самомъ.

Черезъ нѣсколько дней, сходясь почти каждый вечеръ за городомъ, они познакомились гораздо ближе, впрочемъ, не зная другъ друга по имени. Казалось, обѣимъ имъ нечего было дѣлать и оба одинаково любили прогулку. Старикъ садился на травѣ подлѣ молодого человѣка и, любя поболтать, довольствовался тѣмъ только, что его слушаютъ. У него всегда было что-нибудь новое для разсказа, и онъ всякій разъ умѣлъ сократить для своего слушателя незамѣтно время до самыхъ сумерекъ. Онъ никогда не спрашивалъ Собѣслава, кто онъ, а тотъ, съ своей стороны, не рѣшался его расспрашивать. Но однажды вечеромъ, глядя на освѣщенный заходящимъ солнцемъ городъ, старикъ вздохнулъ и повелъ такую рѣчь:

— Разскажу я теперь вамъ, кто я таковъ. Хоть, можетъ быть, вы и не любопытны, но моя жизнь можетъ занять самаго равнодушнаго человѣка; такъ я думаю потому, что я выросъ не въ богатствѣ, и все, что имѣю, всѣмъ этимъ я обязанъ Богу и самому себѣ. По милости Божіей, у меня хорошій кусокъ хлѣба, и ни одинъ магнатъ, за которымъ ѣздитъ толпа дворянъ, не похвалится большею моею чистотою

совѣсти. За все это, какъ я сказалъ вамъ, я обязанъ собственнымъ стараніямъ.

— Счастье, — сказалъ Собѣславъ.

— Безъ сомнѣнія, — отвѣчалъ старикъ, — но не скажу, чтобъ у меня въ жизни все шло какъ по маслу, потому что я знакомъ и съ бѣдностью и съ горемъ, но дѣло въ томъ, что я былъ упоренъ, какъ козель, и, сказавши себѣ, что буду богатъ, трудился до тѣхъ поръ, пока разбогатѣлъ-таки.

— Хорошо было-бы, когда-бъ для этого достаточно было только сказать себѣ: буду богатъ!

— А вотъ послушайте. Отца моего я не помню; бѣдняжку, мать мою, чуть-чуть припоминаю. Она была — этого я совсѣмъ не стыжусь — торговкою и обыкновенно сидѣла подъ краковскими воротами съ яблоками, а потомъ подлѣ Іезуитскаго Коллегіума, на дорогѣ, по которой ученики ходили въ классы.

Собѣславъ покраснѣлъ, увидя, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; но любопытство взяло верхъ надъ его стыдомъ, и онъ слушалъ.

— Весь капиталъ нашъ состоялъ, я думаю, изъ нѣсколькихъ десятковъ злотыхъ; еще Богъ знаетъ, стоили ли и этого наши скамейки, коробки, корзины, домашняя утварь, разное тряпье и запасъ орѣховъ, яблоковъ, грушъ, сливъ, вишенъ, смотря по порѣ года. Сколько помню, ходилъ я босикомъ, въ сѣрой сорочкѣ, рѣдко покрывая чѣмъ-нибудь голову, и питался гнилыми овощами и домашнею похлебкою, которую мать только по вечерамъ варила для меня и для младшей сестры, умершей потомъ отъ оспы. Жили мы въ подвалѣ, въ задней части Гродской улицы, въ лачужкѣ, темной и сырой, съ однимъ только оконцемъ при самой землѣ, часто забрызганнымъ грязью, безъ полу, со сводомъ, а въ дождь у насъ полно было воды. Я говорю *жили*, а въ самомъ дѣлѣ, я и мать проводили тамъ только часть ночи, потому что цѣлый день, съ ранняго утра до поздняго вечера, надо было сидѣть, несмотря ни на морозъ, ни на вѣтеръ, ни на дождь, ни на іюльскіе жары. Мнѣ не съ кѣмъ было оставаться дома, и потому я всегда хаживалъ съ матерью, одѣтый во что Богъ послалъ; грѣлъ зимою руки надъ горшкомъ съ угольями; въ лѣтнюю жару прохлаждался у сосѣдней каменной стѣны и проводилъ свое время, глазѣя на проходящихъ.

Тяжко было начало моей жизни, какъ вспомню, то и теперь морозъ пойдетъ по кожѣ. Мать моя была женщина больная, нетерпѣливая и часто журила меня. Я переносилъ это молча, и думалъ самъ себѣ: «Когда вырасту, пойду работать; никто тогда не будетъ кричать на меня; буду самъ себѣ паномъ». Мысль эта утѣшала меня въ дѣтствѣ, изъ котораго я вышелъ скоро; на десятомъ году я уже носилъ по городу корзину съ пряниками, молодымъ горохомъ, огурцами и тому подобными лакомствами. А началось это вотъ какъ: случилось однажды, какой-то чиновникъ, шагавшій по улицѣ, выронилъ изъ кармана какія-то бумаги. Я поднялъ, догналъ его и отдалъ. Онъ очень обрадовался найденной потерѣ и далъ мнѣ за это два талера. Я спряталъ ихъ и, ничего не говоря матери, нашелъ себѣ старую корзину, купилъ у огородника на три злотыхъ города и цѣлый день ходилъ по городу, возвѣщая громогласно о своемъ товарѣ. Къ вечеру у меня въ узелкѣ оказалось пять злотыхъ барыша, а въ корзинкѣ осталось еще немного вялаго гороха. Это ободрило меня на дальнѣйшія предпріятія.

Случалось мнѣ и прежде нѣсколько разъ, изъ шалости, уходить отъ матери, болтаться цѣлый день по улицамъ и только вечеромъ возвращаться на квартиру, въ ожиданіи порядочныхъ толчковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ужина. На этотъ разъ я также возвращался въ свой подвалъ въ сумерки, но съ корзинкою на плечахъ и съ гордымъ сознаніемъ своей заслуги въ душѣ. Мать уже стояла, видно, въ ожиданіи меня, на порогѣ, и лишь только меня увидала, подняла вверхъ огромную метлу, давая знать, что мнѣ готовится. Но я не испугался; я былъ увѣренъ, что она проститъ меня. Въ самомъ дѣлѣ, взглянувъ на мою корзинку и замѣтивъ на лицѣ моемъ радостное выраженіе, она сперва какъ будто не узнала меня, а потомъ спросила: «Что это, Михалко?» — «А вотъ пойдемъ, матушка, я все расскажу тебѣ какъ было», отвѣчалъ я съ увѣренностью въ самомъ себѣ, и мы спустились осторожно въ глубину нашего жилища. Я снялъ съ плечъ корзину, сѣлъ на опрокинутомъ ведрѣ и рассказалъ свои приключенія отъ двухъ талеровъ до пяти злотыхъ. «Теперь я и тебѣ и себѣ, матушка, на хлѣбъ заработаю,—заклучилъ я,—не бойтесь»!

Мать до того была удивлена и ошастливлена неожиданнымъ проявленіемъ во мнѣ коммерческаго генія, что поцѣловала меня въ голову и заплакала отъ радости. Тотчасъ принялась она готовить ужинъ, спрашивала меня обо всѣхъ подробностяхъ моей торговли и нѣсколько разъ пересчитывала барышъ мой, повторяя: «Ну, дока, такъ дока»!

Не вытерпѣла старуха, чтобъ въ тотъ же вечеръ не побѣжать къ сосѣдкамъ и не похвалиться передъ ними моимъ барышемъ. Она зазвала даже къ себѣ двухъ пріятельницъ, и всѣ трое опять принялись спрашивать меня снова, какъ я добылъ денегъ, кто посовѣтовалъ мнѣ пуститься въ торговлю и какъ я заработалъ столько прибыли.

Въ слѣдующіе за тѣмъ дни мать сидѣла подъ краковскими воротами, а я ходилъ торговать по городу, и недѣли черезъ двѣ у меня накопилось уже довольно денегъ. Потомъ я нашелъ, что зеленю торговать не такъ удобно, потому что этотъ товаръ скоро портится, и обзавелся дѣтскими игрушками, шпильками, тесемками, иголками и другими мелочами. А какъ я не лѣнился трудиться, привѣтствовалъ ласково покупателей и зналъ, кому повѣрить въ долгъ, да и вообще какъ то все пошло мнѣ въ руку, то, сверхъ прожитого на пищу, у меня оказалось къ концу года въ запасѣ золотыхъ сто.

Помню, что ужъ и въ то время, ходя возлѣ лавокъ, я думалъ: «Дастъ Богъ, и у меня будетъ лавка», и такое овладѣло мною честолюбіе, что я трудился изъ всѣхъ силъ, не чувствуя ни усталости, ни сомнѣнія; и, въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, имѣлъ уже хоть и не лавку, по крайней мѣрѣ будку возлѣ монастыря Святаго Духа. Тамъ я началъ торговать обоями, бисеромъ, картинками, книжечками и разными бездѣлками. Мать все еще, несмотря на старость, сиживала надъ своими яблоками. Я совѣтовалъ ей оставить торговлю, но она не любила быть праздною и дотога привыкла спорить съ своими покупателями, что иначе не могла жить. Бывало, какъ заболѣтъ, я уговорю ее посидѣть дня два въ теплѣ; но нѣтъ, тоска нападетъ на нее такая, что не рада жизни, и — смотри — на другой день уже плетется съ корзинкой и горшкомъ на свое мѣсто. Я хотѣлъ было, чтобъ она сидѣла въ моей будкѣ, но и на это она не согласилась: она знала каждого

ученика, каждый ученикъ зналъ ее, и ей было скучно во всякомъ другомъ мѣстѣ. Толпы проходящихъ мимо мальчишекъ, безпрестанные съ ними споры и вѣчная осторожность, чтобъ ее не обокрали, все это оживляло ее и придавало ей бодрость. Она сердилась, когда называли ее *Цибелю*, воображая, что это значить попросту *цыбуля* (лукъ, растеніе), и просила, чтобъ ее называли лучше грушею; но всѣ поколѣнія учениковъ знали ее подъ однимъ этимъ именемъ.

Мои дѣла шли между тѣмъ очень хорошо, и я не помню въ жизни времени счастливѣе того, когда я носилъ свои надежды на плечахъ въ коробкѣ и лелѣялъ ихъ въ убогой будкѣ. Впослѣдствіи я достигъ всего, чего только желалъ; но это уже не такъ меня радовало, какъ дѣтскія мечты; не было также со мной и почтенной моей матери, чтобъ подѣлиться съ нею моимъ богатствомъ. Старушка сидѣла, пока стало въ ней силъ, у воротъ Іезуитскаго Коллегіума; наконецъ, въ одинъ осенній день она почувствовала себя не въ состояніи явиться къ своей должности и скоро почла тихую смертью. Вы можете видѣть на доминиканскомъ кладбищѣ прекрасный каменный памятникъ, съ корзиною плодовъ наверху—это памятникъ моей матери.

Оставшись на свѣтѣ одинокимъ, я не переставалъ трудиться и изъ будки перемѣстился въ нанятую лавочку насупротивъ ратуши. Лавочка моя была невелика, но хорошо снабжена кореньями, сахаромъ, кухонными матеріалами и тому подобными предметами. Барышъ, однакожъ, былъ сперва незначителенъ, потому что все это закупалось у оптовыхъ торговцевъ на небольшія деньги. Долго я долженъ былъ еще работать, пока достигъ до того, что могъ самъ заготовлять товары оптомъ. Такимъ образомъ съ двухъ талеровъ, брошенныхъ мнѣ прохожимъ чиновникомъ, я разжился на двѣ тысячи талеровъ наличнаго капитала, не считая товаровъ, составлявшихъ мою лавку. Правда, что мнѣ служило счастье; но я могу этимъ хвалиться, потому что всегда соблюдалъ строго мѣру и вѣсъ, никого не обманулъ ни на грошъ и сперва былъ такъ бережливъ, какъ отъявленный скряга, а потомъ далъ себѣ обѣтъ, который и донынѣ исполняю—подавать каждому нищему, гдѣ бы его ни встрѣтилъ, грошъ на память моей собственной бѣдности.

Можетъ быть, и эта милостыня дала мнѣ счастье, не знаю,— но никогда не терпѣлъ я убытка ни отъ вора, ни отъ пожара, ни отъ обмана злыхъ людей, и мало по малу изъ уличнаго бродяги, который могъ бы погибнуть навѣки, я дошелъ до степени мѣщанина, гуртового купца, имѣю каменную лавку, женился, благословилъ меня Господь добрыми дѣтьми, а вдобавокъ ко всему, объявляю вамъ, что я членъ люблинской ратуши, что всѣ въ городѣ меня уважаютъ, и когда покойный король проѣзжалъ чрезъ Люблинъ, я держалъ надъ нимъ, вмѣстѣ съ другими сановниками, балдахинъ у краковскихъ воротъ.

Собѣславъ дослушалъ терпѣливо повѣсть до конца и когда купецъ кончилъ и всталъ съ своего мѣста, онъ сказалъ только сухо и холодно:

— Вы очень были счастливы. Разсказъ вашъ дѣйствительно занимателенъ.

— А мораль моего разсказа?—прибавилъ старикъ.—Безъ труда нѣтъ плода, а трудись, такъ и Господь поможетъ! Славная мораль!

Послѣднія слова произнесены были, повидимому, съ нѣкоторымъ умысломъ. Они глубоко врѣзались въ памяти Собѣслава. Задумчивый возвратился онъ домой и долго не могъ уснуть ночью. Дорота и Матвѣй сильно беспокоились, прислушиваясь къ тяжелымъ его шагамъ, выражавшимъ крѣпкую думу. Видна въ немъ была внутренняя борьба съ самимъ собою. Лицо его то прояснялось, то хмурилось, глаза блестѣли и потомъ снова отуманивались; онъ быстро расхаживалъ по комнатамъ и вдругъ останавливался, считалъ по пальцамъ, и только передъ разсвѣтомъ легъ, не раздѣваясь, въ постель, съ какимъ-то рѣшительнымъ намѣреніемъ. Утромъ его уже не было дома.

Слуги не знали, что думать о своемъ господинѣ. Печальные, сошлись они въ кухнѣ и начали каждый выражать свои предположенія.

— Молчить и ходить,—говорилъ Матвѣй,—это худо, очень худо; я замѣтилъ, что и покойникъ передъ смертью больше прежняго ходилъ и молчалъ. Лучше бъ ужъ онъ сердился, бранился, даже пускай бы поколотилъ меня, но, какъ нѣмой

столбъ, двигаться изъ угла въ уголъ—это ужъ что-то недоброе! Но что дѣлать?

— Что дѣлать?—отвѣчала Дорота, которая съ нѣкотораго времени сдѣлалась особенно набожною, — молиться и просить Господа Бога!

— Вѣстимо, — сказала Матвѣй, — молиться-то молиться, да не сидѣть же со сложенными руками. Табакъ самъ собой не смелется. Надо что-нибудь дѣлать. Не дать ли знать пану стольнику?

— Развѣ ты не замѣтилъ, что онъ и съ паномъ стольникомъ не разговорчивѣе. Просилъ же его стольникъ сказать, что онъ сдѣлаетъ съ своими деньгами, да вѣдь не упросилъ и уѣхалъ въ сердцахъ. Это ужъ такая натура. А послушай, Матвѣй, что, если бъ мы попытались узнать, что онъ дѣлаетъ по цѣлымъ днямъ въ городѣ?

— Кто жъ за нимъ угоняется?—отвѣчалъ Матвѣй!—Мои ноги что-то приключилось: Волочу по землѣ точно не своими; да и ты тоже.

— И, что пустяки толковать? Я каждый день мили двѣ выхожу по городу.

— А вечеромъ и жалуешься.

— Да оттого, что эта негодная мостовая вездѣ. Бывало, въ Сѣкиринкахъ ходишь съ утра до вечера, а ноги никогда не заболятъ.

— Ага, такъ и есть, что мостовая! — прервалъ Матвѣй, — непременно мостовая и мнѣ повредила. Вотъ ужъ съ годъ ноги, какъ деревяшки...

И не смѣкнули бѣдняги, что давно прошло ужъ болѣе десяти лѣтъ послѣ того, какъ они выѣхали изъ Сѣкиринокъ.

Изъ совѣщаній ничего не выходило. Дорота и Матвѣй пробовали поговорить съ самимъ паничемъ, но онъ отдѣлывался отъ нихъ нѣсколькими незначущими словами, и съ каждымъ днемъ все меньше и меньше оставался дома, особенно съ того времени, какъ стольникъ прислалъ ему чрезъ нарочнаго деньги.

Такое непонятное поведеніе встревожило наконецъ до крайности слугъ, и Матвѣй рѣшился, вытерши ноги спиртомъ, отправиться по городу на соглядатайство, не встрѣтитъ ли гдѣ-нибудь своего господина и не узнаетъ ли, что онъ дѣлаетъ.

Что за причина тому, что онъ два дня ужъ дома не обѣдаетъ, и велѣлъ Доротѣ готовить для него только ужинъ?

Оглядываясь во всѣ стороны, толкуя самъ съ собой и со встрѣчными по дорогѣ, старый Матвѣй, съ палкою въ рукѣ и съ пузырями, полными табаку, подъ мышкою, бродилъ цѣлый день изъ улицы въ улицу, но напрасно. Продавъ только нѣсколько фунтовъ своего матвѣича, полакомился медомъ у жиловскихъ воротъ и воротился домой ни съ чѣмъ. Дорота рѣшилась утромъ на другой день идти сама слѣдомъ за своимъ паничемъ.

Была ужъ ночь, когда онъ воротился домой, попросилъ воды умыться. Дорота замѣтила, что вода была очень темна, какъ будто онъ во что-нибудь запачкался, поѣлъ немного похлебки съ хлѣбомъ, записалъ что-то въ своей книжкѣ и легъ спать. Едва начало сѣрѣть, ужъ онъ проснулся, зажегъ свѣчу и началъ одѣваться. Дорота легла съ вечера спать не раздѣвшись, и лишь только онъ вышелъ на улицу, поспѣшила за нимъ. Любопытство придавало ей силъ; но онъ ужъ былъ далеко впереди. Дорота не могла догонять его бѣгомъ, чтобъ онъ не оглянулся, а Собѣславъ между тѣмъ повернулъ за ратушу и скрылся. Дорота долго бродила по городу и воротилась домой ни съ чѣмъ, къ великому торжеству Матвѣя, который увѣрялъ напередъ, что изъ этого ничего не будетъ.

— Погоди, погоди, — отвѣчала Дорота, — завтра я еще лучше за него примусь.

Но на другой день Дорота видѣла только, что онъ вошелъ въ какой-то домъ подлѣ ратуши. Долго она ожидала его выхода и, не дождавшись, возвратилась домой.

Матвѣй смѣялся до упаду; но на третій день, замкнувъ хорошенько домикъ, отправился самъ съ Доротой на согладетайство. Собѣславъ опять скрылся въ томъ самомъ домѣ. Матвѣй и Дорота расположились у двухъ выходовъ, ждали очень долго, но онъ не появлялся. Дорота утверждала, что Матвѣй не примѣтилъ панича; а онъ говорилъ, что она прозѣвала; поссорились страшно и воротились домой. Но тутъ же пришла Матвѣю мысль засѣсть у каменнаго дома вечеромъ, не будетъ ли онъ выходить оттуда; и дѣйствительно, вечеромъ старый слуга воротился съ торжествомъ къ Доротѣ: Собѣславъ, просп-

дѣвъ цѣлый день въ каменномъ домѣ, въ сумерки вышелъ, завернутый въ плащъ, изъ той же самой двери, въ которую вошелъ.

Оставалось теперь узнать, что его туда привлекало и что онъ цѣлый день тамъ дѣлалъ. Матвѣй рѣшился проникнуть въ таинственный домъ съ своимъ табакомъ. Оснастившись, какъ слѣдуетъ, пузырями съ матвѣичемъ, онъ часу въ десятомъ отправился въ свою экспедицію и началъ изслѣдованія систематически, отъ самаго основанія до кровли дома, который былъ въ три этажа. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась только бакалейная какого-то купца Фальковича, да съ другой стороны мастерская сапожника, который напѣвалъ пѣсню во все горло. Матвѣй зашелъ сперва къ сапожнику, продалъ ему четверть фунта матвѣича на пробу и поднялся по лѣстницѣ вверхъ; но тамъ находилъ то пирующихъ чиновниковъ, то умирающаго старичка, окруженнаго внуками, то молодыхъ супруговъ, занятыхъ своимъ счастьемъ и новымъ хозяйствомъ, но нигдѣ никакого слѣда Собѣслава. Одно только жилье осталось не осмотрѣннымъ, потому что было заперто. Матвѣй сошелъ внизъ къ купцу Фальковичу, чтобъ разспросить о немъ.

Онъ нашелъ въ лавкѣ купца, закутаннаго въ эпанчу, съ широкополою шляпою на головѣ. Купецъ, повидимому, былъ боленъ, потому что закрывалъ платкомъ нижнюю часть своего смуглаго, оливковаго лица. Сѣдые волосы, видные изъ-подъ шляпы, и сгорбленная спина показывали въ немъ человѣка уже преклонныхъ лѣтъ.

Матвѣй попробовалъ заговорить съ нимъ, но купецъ отвѣчалъ на его разспросы молчаливымъ покачиваньемъ головы и сидѣлъ неподвижно, скорчившись на своемъ стулѣ. Тутъ пришли другіе покупатели и объяснили Матвѣю, что купецъ страдаетъ зубною болью, что у него повреждена челюсть и потому ему трудно говорить. Несмотря, однакожь, на это, старикъ проворно удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ и объявлялъ такія умѣренныя цѣны на свои товары, что никто съ нимъ не торговался. Матвѣю ничего больше не осталось, какъ спросить на три гроша перцу и убраться домой съ своими пузырями, наполненными табакомъ.

Сбитые съ толку неудачею своихъ поисковъ, старые слуги

дѣлали самыя дикія предположенія насчетъ свсего господина, но все-таки оставались въ совершенной неизвѣстности касательно его занятій. Однажды Доротѣ понадобились какіе-то припасы для кухни, и она, слышавъ отъ Матвѣя, какъ дешево все продается въ лавкѣ Фальковского, отправилась прямо туда. Лавка была набита покупателями. Старый купецъ, въ своей огромной шапкѣ и съ повязаннымъ ртомъ, едва успѣвалъ мѣрять и вѣшать. Дорота долго стояла позади густой толпы, ожидая своей очереди и съ любопытствомъ слѣдя за быстрыми движеніями сгорбленнаго старичка. Въ это время кто-то заговорилъ съ нимъ, и Дорота ясно услышала, въ отвѣтъ на вопросъ, голосъ Собѣслава, голосъ, правда, измѣненный, похожій на стариковскій, но тѣмъ не менѣе знакомый ей съ самаго дѣтства. То былъ его голосъ — она не могла ошибиться!

Панъ Собѣславъ, послѣдній изъ Съеиринскихъ, этотъ дворянинъ древняго рода — купецъ! Что съ нимъ сдѣлалось? Какъ это могло случиться? Она была убѣждена, что не ошиблась въ голосъ, но ей такъ мудро было постигнуть причину страннаго превращенія, что у нея голова пошла кругомъ. Она чувствовала себя въ странномъ волненіи, какъ будто узнала о какомъ-то ужасномъ преступленіи или сама его сдѣлала. Возвратясь домой, она присѣла въ кухнѣ и начала прегорько плакать.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.